

ЮЛИАННА ВИНСЕНТ

Прямая
ИСТИННАЯ
для ледяного
ДРАКОНА

Юлианна Винсент

**Упрямая Истинная
для Ледяного Дракона**

«Автор»

2026

Винсент Ю.

Упрямая Истинная для Ледяного Дракона / Ю. Винсент —
«Автор», 2026

— Добро пожаловать в Академию, мисс Саншайн! В Сознание вы больше не вернетесь!... с этих слов началась моя "престижная стажировка" после того, как я нахамила беспощадному Ледяному Дракону. А надо было всего лишь держать язык за зубами! Теперь мне за месяц необходимо превратить Академию Бессознательного с вечной мерзлотой и страхами вместо преподавателей, в образцовое заведение. И как скажите я должна это сделать, если в моем распоряжении только розовые туфли и черный юмор? И не надо, господин ректор, смотреть на меня так, будто ваш интерес ко мне выходит за рамки "полезного инструмента"! Я заставлю страхи и комплексы жить по расписанию, а ректора — улыбаться и любить этот мир! Даже, если он этого не хочет! В книге вас ждут: бойкая и неунывающая героиня, с острым чувством юмора и желанием свободы; Ледяной ректор-дракон, едкий и саркастичный; колоритный преподавательский состав; парочка местных жителей с секретами; ХЭ без вариантов и шансов на обжалование.

© Винсент Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Желтое пятно на глазу одного ледяного дракона	6
Глава 2. В гостях у вечной мерзлоты и комплексов	10
Глава 3. Как не заблудиться в собственном Бессознательном?	13
Глава 4. Главный по печенькам и основы экологичного поджигательства	16
Глава 5. Скромное обаяние ледяного быта	20
Глава 6. Яркое пятно на фоне хронических расстройств	22
Глава 7. Душевные ожоги, осознания и щепотка уязвимости	26
Глава	29
Глава 9. Путь к сердцу ледяного дракона лежит через...	33
Глава 10. Доброе Бессознательное — это сытое Бессознательное	37
Глава 11. Невыносимая близость и предательский кофе	40
Глава 12. Новые ледяные грани и первое занятие Искрика	42
Глава 13. Ледяная защита и неожиданная откровенность	45
Глава 14. Ночная вахта, утренний конфуз и то, чего не должно было быть	48
Глава	52
Глава 16. Пять точек опоры или вон до чего доводит тимбилдинг	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Юлианна Винсент

Упрямая Истинная для Ледяного Дракона

Глава

Юлианна Винсент

Упрямая истинная
для
ледяного дракона

Глава 1. Желтое пятно на глазу одного ледяного дракона

— Следующая! Летиция Саншайн!

Голос секретарши, прозвучавший из магического рупора в коридоре, заставил меня вздрогнуть, хотя я его ждала. Сердце заколотилось где-то в районе горла, пытаюсь сбежать через рот.

Я вдохнула, выдохнула, мысленно послала себе лучшие пожелания и толкнула тяжелую дубовую дверь.

“Спокойно, Летти, — бубнила я про себя. — Ты договаривалась с буйными троллями-охранниками в тюрьме. Ты уговаривала воспитательницу детсада не варить детей в каше из горькой полыни “для профилактики”. Три дракона в костюмах — это просто три крупных начальника. Очень крупных. Невероятно красивых, если верить слухам. И бессмертных. И слегка... смертельно опасных. Черт”.

Кабинет ректора был огромным, пахло старыми книгами, дорогим деревом и... чем-то острым, электрическим, словно после грозы. За массивным столом сидели трое мужчин и все слухи меркли перед реальностью.

Справа — воплощенное пламя. Мужчина с волосами цвета темной меди, собранными у затылка в небрежный хвост, из которого выбивались непослушные пряди.

Глаза золотые, как у хищной кошки, а на смуглой щеке изящный шрам, похожий на язычок огня. Он полулежал в кресле с видом ленивого, но опасного кота.

Это должен был быть Крайан Эмберхарт, ректор Академии Сверхсознания, Огненный дракон. Говорили, он обожал драму, темпераментные споры и мог расплавить взглядом сталь.

И, судя по тому, как его золотые глаза с интересом скользнули по мне, — безделушки вроде нервных студенток.

Посередине — полная его противоположность. Земляной дракон. И он был... монументален.

Широкие плечи, спокойное, невероятно красивое лицо с глазами цвета темного изумруда и короткими каштановыми волосами, тронутыми сединой у висков. Он сидел прямо, его руки, крупные, но с длинными пальцами, лежали на столе. От него веяло невозмутимой силой и тишиной древнего леса.

Арден Грейстоун, ректор Академии Сознания. Говорили, он терпелив, мудр, но если уж чего-то захочет, то сдвинет горы. Буквально.

А слева... Высокий, поджарый блондин с короткими волосами цвета льда, обнажавшими строгие, безупречные черты лица. Ледяная синева его бездонного взгляда была лишена всякого интереса.

Из-под расстегнутого ворота темного мундира виднелись черные линии татуировок, уходящие куда-то вглубь. Одна, похожая на морозный узор, сползала с левой скулы. Он не двигался, не улыбался, просто смотрел. Как смотрел бы на странное, слегка надоедливое насекомое.

Сайрон Мортигор. Ледяной дракон. Повелитель Бессознательного. Тот, кого все боялись обсуждать даже шепотом. От одного его взгляда у меня похолодели кончики пальцев в моих лучших (и единственных) розовых туфлях-лодочках.

— Присаживайтесь, мисс Саншайн, — произнес Арден Грейстоун низким, бархатным, успокаивающим голосом.

Я опустилась на стул, стараясь не издавать лишних звуков.

— Летиция Саншайн, пятый курс факультета Психологии, специализация — организационная психология и управление персоналом, — начала я, надеясь, что голос не дрогнет. — Моя сильная сторона... эмпатия и умение найти подход даже к самому... сложному субъекту. Умею слушать и договариваться. Могу договориться даже с камнем. Также обладаю высокой стрессоустойчивостью.

— Опыт есть? — спросил Крайан Эмберхарт, его голос звучал тепло, с легкой хрипотцой.

— Производственная практика в государственном детском саду “Солнышко” с коллективом воспитателей, а также ознакомительная практика в исправительной колонии №5 с персоналом отдела безопасности и охраны, — отбарабанила я.

Крайан кивнул, явно заинтересованный.

— Любопытно. Тема вашей дипломной работы?

Я мысленно поблагодарила все звезды, что подготовилась.

— “Влияние нестандартных методов командообразования на эффективность работы коллективов в условиях хронического стресса и ограниченных ресурсов”.

Звучало научно, но на деле означало “как заставить людей не перегрызть друг друга глотки, когда все плохо”. Актуально для любого мира.

Арден вмешался.

— Где вы хотели бы проходить практику, мисс Саншайн? Какие предпочтения?

“Любое госучреждение в столице Сознания! — кричало мое нутро. — С теплым туалетом, стабильной зарплатой и кабинетом без сквозняков! Чтобы никогда не возвращаться в ту деревню и не слышать, как мать с отчимом торгуются насчет “арендной платы” за мою девственность с городским сводником!

— Любое государственное учреждение, где требуется работа с персоналом, — вслух ответила я. — Я готова трудиться на благо системы (И ради собственной квартиры, конечно. Очень ради нее).

И тут в разговор вступил он. Сайрон Мортигор. Он не повысил голос, но его тихая, ледяная речь перебила все другие звуки.

— Даже с камнем... — он повторил мои слова и из его ледяного рта они прозвучали как насмешка. — Очаровательная самоуверенность. И такой же очаровательный наряд. Надеюсь, ваши профессиональные навыки столь же... яркие, как это желтое платье и ваши розовые... туфельки.

В кабинете повисла тишина. Арден слегка нахмурился. Крайан поднял бровь, явно ожидая спектакля.

А у меня внутри что-то шелкнуло. Страх, собравшийся в плотный комок, под воздействием чистейшего, неподдельного раздражения резко трансформировался в сарказм.

— Спасибо за комплимент, Ваша... Холодность, — сказала я, мило улыбаясь. — Я всегда считала, что в работе с людьми важно не бояться цвета. Хотя, возможно, в вашем личном царстве вечной мерзлоты это не актуально.

Это я пробормотала уже себе под нос, в пол.

Увы, драконы, даже в человеческом обличье, обладают чутким слухом. Уголки идеальных губ Сайрона дрогнули. Не в улыбку. Нет. Это была ухмылка хищника, который только что услышал, как мышинный писк исходит от особенно наглой мыши.

— Превосходно, — проговорил он. — Тогда проверим фундамент под этим цветным фасадом. Назовите первые три правила при начале работы с новым персоналом.

Крайан и Арден переглянулись. Это был вопрос из учебника для первокурсников. Почти оскорбительно простой. Но в его устах он звучал как ловушка.

Мой мозг, уже отключивший режим “паническая пятикурсница”, включил режим “практикантка, которая уже имела дело с воспитательницами, уставшими от детей и теми, кто считает, что психология — это чушь собачья”.

Я ответила, не задумываясь:

— По учебнику: изучить должностные инструкции, провести вводный инструктаж и ознакомить с корпоративной культурой. На практике: первое – запомнить имена. Всех. От начальника до уборщицы. Второе – выяснить, где тут спрятан чай и кто главный по печенькам. Третье – первые две недели молчать и слушать. Потому что устоявшиеся связи и негласные правила в любом коллективе куда важнее написанных уставов. А печеньки – это ключ к доверию.

В кабинете снова стало тихо. Арден прикрыл глаза, будто скрывая улыбку.

— Практично! Мне нравится! — нарушил тишину теплым и звонким смехом Крайан.

Но я смотрела на Сайрона. Его ледяные глаза сузились. В них промелькнула искорка. Не тепла. Нет. Интереса. Холодного, аналитического, как у ученого, нашедшего новый, необычный штамм бактерий.

— Спасибо, мисс Саншайн, — наконец сказал Арден. — Мы вас больше не задерживаем. Результаты распределения будут вывешены через час в холле.

Я встала, кивнула (слава богам, ноги не подкосились) и вышла, стараясь не бежать.

Дверь закрылась за моей спиной и я прислонилась к прохладной стене, закрыв глаза.

— Ну как? — рядом как из-под земли выросла моя подруга и соседка по общежитию, Марни с круглыми от любопытства глазами, хотя она считала, что это от природы.

— Я, кажется, только что нагло дерзила Повелителю Бессознательного, — простонала я. Марни ахнула, потом фыркнула.

— Живая? Целая? Он тебя не заморозил взглядом?

— Кажется, он ухмыльнулся. Это страшнее.

Мы протолкались к большому стенду в холле, где через час должны были вывесить списки. Час томительного ожидания пролетел в бесконечных пересудах и спекуляциях. Наконец, секретарша приклеила несколько листов. Толпа ринулась вперед.

Сердце колотилось где-то в горле, пока я искала свою фамилию. Саншайн... Саншайн... Вот!

“Саншайн Летиция. Место прохождения практики: Управление городского благоустройства, г. Новый Аурелиан, Сознание. Отдел кадров”.

Я выдохнула с таким облегчением, что у меня потемнело в глазах. Не Сверхсознание, конечно, и не совсем столица. Но и не Бессознательное, слава всем драконам!

Городская служба в большом городе Сознания. Практика, маленькая, но зарплата, опыт. Шаг вперед. Шаг прочь от деревни и ее “перспектив”.

— Ура! — завизжала Марни, хватая меня за руку. — Ты прошла! Благоустройство! Будешь договариваться с камнями на мостовой, чтоб ровнее лежали!

Я рассмеялась, чувствуя, как с плеч спадает тяжесть.

— Идем за направлением в деканат, пока они не передумали!

Мы пробирались сквозь толпу ликующих и расстроенных студентов, направляясь к кабинетам деканата. Дверь в ректорский кабинет была приоткрыта и оттуда доносились голоса — не просто разговор, а напряженный, резкий спор.

— ...Какой смысл во всем этом ритуале, если в итоге ни один, слышишь, НИ ОДИН здравомыслящий студент не изъявил желания отправиться в Бессознательное? — это был ледяной, режущий голос Сайрона.

Даже через стену он заставлял меня ежиться.

— Сайрон, мы не можем идти против желания студентов, — спокойно, но твердо отвечал Арден. — Твоя академия... у нее репутация. И не самая лучшая. Тебе нужно время. Прояви терпение.

— Терпение? — голос Сайрона трещал от недовольства. — Мне прислали предписание навести порядок! Я не могу ждать, пока какой-нибудь идеалист-самоубийца осчастливит нас своим визитом!

— Так предложи условия! Стипендии, льготы... — попытался встрять Крайан, но его перебили.

— Я определил свой выбор!

В следующую секунду дверь с такой силой распахнулась, что я отпрыгнула в сторону. На пороге стоял Сайрон Мортигор.

Его ледяное спокойствие было взорвано изнутри. Глаза горели синим пламенем ярости, татуировка на щеке будто светилась изнутри. Он был прекрасен и ужасен, как арктическая буря.

За ним вышли Арден и Крайан, оба с напряженными лицами.

— Сайрон, опомнись, ты не можешь просто... — начал Арден.

Но взгляд Сайрона уже упал на меня. Замершую, с глазами, круглыми от испуга и неловкости, с зажатым в руках блокнотом для записей, который я по привычке везде таскала с собой.

Его ярость вдруг схлынула, сменившись тем самым гипнотизирующим, хищным интересом. Он медленно, целенаправленно подошел ко мне, заслоняя собой весь мир. От него веяло холодом и запахом снега на далеких, недоступных вершинах.

— На ловца и зверь бежит, — тихо произнес он с той самой опасной, ледяной убежденностью в голосе. — Я забираю ее.

— Сайрон, ты не можешь так поступить! — голос Ардена прогремел, в нем впервые зазвучала настоящая, каменная мощь. — Студентка Саншайн распределена в другое место! Ее направление уже подписано!

Сайрон не слушал. Он смотрел только на меня. Его ледяные голубые глаза впились в мои, будто пытаясь прочесть что-то на самой глубине.

— Ты сказала, что можешь договориться даже с камнем? — спросил он и его губы искрились в подобие улыбки.

Мой язык прилип к небу. Мозг отчаянно сигнализировал:

“Кричи! Беги! Укуси!”

Но что-то в этом взгляде, в этой тотальной, неумолимой воле парализовало меня. Я машинально, как дурочка, кивнула.

— Да...

— Прекрасно, — прошептал он, нежно-ледяной хваткой, беря меня за локоть. — Тогда я могу поступить... как угодно.

Он щелкнул длинными, изящными пальцами прямо перед моим лицом.

Я и вскрикнуть не успела. Мир вокруг — уютный коридор родной академии, возмущенное лицо Крайана, яростное — Ардена — взорвался миллиардом серебристых искр.

Меня схватил и скрутил вихрь абсолютного холода и невесомости. И первое, что я услышала, когда мороз перестал пробираться к моему сердцу, был его голос, уже звучавший у меня над самым ухом:

— Добро пожаловать... в Бессознательное, мисс Саншайн. Покажи нам, как ты умеешь договариваться.

Глава 2. В гостях у вечной мерзлоты и комплексов

Если бы меня спросили, каково это — путешествовать сквозь пространство с ледяным драконом, я бы ответила: представьте, что вас втянули в стиральную машинку, которую затем выбросили в сугроб на вершине айсберга.

Меня вырвало из привычной реальности с таким же изяществом, с каким выдергивают зуб. Ощущение полета, если его можно так назвать, длилось всего пару секунд, но за это время мой мозг успел пронести перед внутренним взором все самые дурацкие варианты развития событий.

От “он отдаст меня на съедение местным страхам” до “поставит в качестве украшения в своем кабинете и будет смотреть на меня в плохие дни, чтобы в сравнении понять, что у него еще не все так плохо”.

Я даже не успела как следует испугаться — настолько все было стремительно и абсурдно.

Мы приземлились с легким, неестественно мягким стуком. Вернее, приземлился он. Я же почти свалилась, потеряв равновесие, и всем своим весом припала на его руку, все еще державшую меня за локоть.

И тут произошло странное.

Сайрон резко отдернул свою руку, словно прикоснулся не к коже, а к раскаленному железу. Он даже сделал полшага назад, его ледяное спокойствие на миг дрогнуло, в глазах мелькнуло что-то неуловимое — шок? Непонимание?

Он мгновенно спрятал обе руки в карманы своих идеально сидящих темных брюк, и его лицо снова стало непроницаемой маской, только брови были чуть сведены.

— Добро пожаловать на практику, мисс Саншайн, — произнес он и его голос снова обрел привычную язвительную интонацию. — На ближайшие несколько месяцев. Если выживете.

Я наконец осмотрелась и забыла на мгновение и про его странную реакцию и про возмущение.

Мы стояли в центре огромного круглого зала. Очень высокого. Насколько, что потолок терялся в клубящемся фиолетовом тумане, который, казалось, просачивался внутрь через стрельчатые витражные окна.

Окна, однако, не пропускали солнечного света — сквозь цветные стекла лился тот же мертвенный, сиреневый полумрак. Воздух был прохладным, влажным и пах старым камнем, замшелой сыростью и чем-то еще... тревожным. Как перед грозой, которая никогда не грянет.

Это было красиво. Зловеще, готично и чертовски красиво. Как декорации к очень дорогому и очень печальному фильму.

— Зачем вы это сделали? — вырвалось у меня и мой голос, эхом отозвавшийся под сводами, прозвучал тоньше, чем мне хотелось бы.

Мортигор, уже оправившийся, медленно прошелся по залу, его взгляд скользнул по стенам с выражением глубокой, хронической неприязни.

— Верховный дракон, — начал он, растягивая слова, как будто они были ему противны, — издал указ. Академия Бессознательного должна, видите ли, учить студентов. А не просто быть пристанищем для страхов и комплексов. — Он махнул рукой, будто обрисовывая все пространство. — Мне нужен тот, кто тут приберется. Наведет порядок. Сделает его... презентабельным.

— Ну так наняли бы уборщицу! — выпалила я, разводя руками. Во мне все кипело. Страх начал отступать, уступая место праведному гневу. — Со специальным допуском к выведению вековой плесени и экзорцизму!

Он обернулся и в его глазах вспыхнул тот самый холодный огонь.

— Никто по доброй воле не идет сюда работать, — констатировал он, останавливаясь и снова глядя на меня. — Сюда ссылают. Или заставляют.

— Я тоже вообще-то не соглашалась! — мой голос эхом отозвался под сводами и где-то в глубине зала что-то шуршащее испуганно отпрянуло.

— Ты дала согласие, — парировал он с убийственной логикой. — Я спросил, можешь ли ты договориться с камнем. Ты сказала “да”. Это, — он широким жестом обвел весь зал, включая протекающий потолок, — и есть мой камень. Огромный, проблемный и очень, очень немотивированный.

— Вы меня обманули! — не сдавалась я. — Я не поняла, о чем идет речь!

Он наклонил голову и на его губах, наконец, появилось что-то похожее на настоящую, хотя и ядовитую, улыбку.

— Мисс Саншайн, добро пожаловать в суть Бессознательного. Сначала ты не поняла... а потом тратишь всю зарплату на терапию.

Он был прав. Чертовски прав. И это раздражало еще больше, чем сам факт похищения. Но проигрывать просто так я не планировала.

Я скрестила руки на груди, стараясь выглядеть хоть капельку деловито, а не как загнанная в угол белочка в желтом платье.

— Преддипломная практика длится три месяца, — уже более спокойно, начала я. — За это время, просиживая в этой дыре, я лишусь всех возможных перспектив и шансов на будущее. Давайте, так, — я сделала шаг вперед, игнорируя внутреннюю дрожь. — Вы меня немедленно возвращаете обратно, а я делаю вид, что у меня был обморок от восторга при виде вас и мы забываем эту историю.

Он рассмеялся. Звук был коротким, сухим и абсолютно безрадостным, как треск ломающегося льда.

— Очаровательно. Но нет. У меня есть лучшее предложение, — Сайрон приблизился и холод исходящий от него стал почти физическим барьером. — Так уж и быть, я даю тебе не три месяца, а один. Всего один месяц, мисс Саншайн. За который ты, используя все свои заявленные таланты к эмпатии, договоренностям и умению находить печеньки, приводишь эту академию и ее... обитателей в более-менее приемлемый вид. Достаточный для того, чтобы я мог отчитаться перед Верховным и запустить сюда первых, самых отчаянных или бестолковых студентов.

Я фыркнула:

— И что я получу взамен? — раз пошел такой разговор, нужно было умудриться выбить себе, хоть какие-то плюшки. — Кроме вашей вечной благодарности, которая, я уверена, будет столь же тепла, как ваше рукопожатие.

— Взамен, — он говорил медленно, растягивая слова, как паук, ткующий паутину, — я подпишу тебе успешное прохождение практики. И договорюсь с Крайаном, главой Отдела Безопасности Сверхсознательного. Он возьмет тебя на работу штатным психологом. Ты будешь работать с военной элитой, с лучшими магами и драконьими разведчиками. Получишь служебное жилье и достойную зарплату. Идет?

У меня перехватило дыхание. Это был не просто куш. Это был выигрышный билет на ту самую жизнь, о которой я только смела мечтать в самые оптимистичные ночи. Но дьявол, как известно, кроется в деталях. А этот дьявол был прямо передо мной, красивый и ледяной.

— Купить меня хотите? — процедила я, пытаясь скрыть, как дрогнул мой голос.

— Предлагаю взаимовыгодную сделку, — поправил он. — Ты получаешь все, о чем мечтала. Я получаю возможность вычеркнуть эту обузу из списка моих проблем. И, возможно, досадить Верховному, представив ему неожиданно благоустроенное учреждение там, где он ждал провала.

— Какие у меня гарантии? — спросила я, впиваясь в него взглядом. — Что, как только я сделаю тут конфетку, вы не щелкнете пальцами и не отправите меня прямиком в какое-нибудь болото Бессознательного, забыв о своих обещаниях?

Он приподнял одну идеальную бровь. В его глазах вспыхнуло что-то похожее на оскорбленное высокомерие.

— То есть слова Хозяина Ледяных Глубин, ректора этой академии, тебе недостаточно?

Глава 3. Как не заблудиться в собственном Бессознательном?

— То есть слова Хозяина Ледяных Глубин тебе недостаточно?

Когда я произнес эту фразу, во мне что-то екнуло. Не от гнева. От глупейшего, архаичного чувства оскорбленного величия. Как будто я, спустившийся с горных пиков, чтобы править этим болотом, вдруг ожидал от этого солнечного создания в розовых туфлях... благоговения.

Идиотизм в чистейшем виде. Ее недоверчивый, даже слегка насмешливый, взгляд в ответ, впрочем, вернули все на свои места.

— Вы меня, конечно, извините, но у меня нет ни одного повода для того, чтобы верить вам на слово, кем бы вы ни были! — и она была права, черт возьми.

В ее глазах не было страха — там бушевала целая буря: гнев, расчет, отчаяние и... упрямство. Чертовое упрямство, которое почему-то заставило что-то екнуть у меня под ребрами. Снова.

Я сунул руку глубже в карман, словно пытаюсь спрятать факт того, что прикосновение к этой девушке как-то на меня повлияло. Контакт кожей к коже оставил странное, навязчивое ощущение. Не тепло. Нет. Скорее... вибрация.

Как будто я схватил не студентку, а живой, оголенный провод, подключенный к какому-то невыносимо яркому источнику энергии. Рука слегка ныла, будто обожженная не пламенем, а чистой, нефильтрованной силой. Это раздражало.

Все в ней раздражало. С того самого момента, как она впорхнула в кабинет Ардена, вся в этом идиотском желтом пятне, с глазами, полными страха и дерзости одновременно.

Она была как громкий, фальшивый аккорд в идеально выстроенной симфонии тоски и формальностей. Ее ответы были не из учебников, а из жизни — грязной, непричесанной, практичной. “Печеньки”? Боги. Какая пошлость. И какая дьявольская эффективность.

Я наблюдал, как она стоит посреди зала, отряхивая пыль со своего ярко-ребящего платья и ее взгляд скользит по моему царству забвения. Не с ужасом, нет. С профессиональной, клинической оценкой.

— Хм, интересный случай глубокой депрессии в архитектурной форме, — задумчиво протянула она.

Это было... ново. Обычно здесь либо рыдали, либо цепенели. А она — оценивала.

Раздражение клокотало во мне, как подземный гейзер под ледником. Какая-то часть меня, та, что привыкла все брать силой и не терпела неподчинения, хотела ее напугать, сбить спесь, заставить пожалеть о своей наглости.

Но вместо этого я предложил ей сделку. Возможно, самую выгодную сделку в ее простой, человеческой жизни.

“И чем я только думал? — я мысленно закатил глаза от недовольства собой. — Явно не мозгом! Еще и к Крайану на поклон придется идти. Придурок!”

— Разумно, — сказал я, заставляя свой голос звучать ровно. — Письменный договор, скрепленный магической печатью. Я подготовлю все. Завтра.

Ее лицо — открытое, выразительное, совершенно не умеющее скрывать мысль — заиграло целой гаммой эмоций: от недоверия до жадной надежды.

Надежда выглядела на ней особенно нелепо. Как будто одуванчик решил вырасти прямо на леднике.

— Твое молчание я приму как согласие на условия, — отрезал я, обрывая поток ее немых вопросов и собственных глупых мыслей. — Располагайся.

— Но... — успела возразить она, но я уже щелкнул пальцами в воздухе и исчез.

Я материализовался в своем кабинете в самой высокой башне. Мне нужно было побыть одному и все обдумать в тишине, потому что от переизбытка людского шума в моей жизни сегодня, я, кажется, наделал кучу необдуманных поступков.

Комната была просторной, аскетичной и холодной. Как и я. Здесь не было лишних вещей. Только стол, кресло, полки с древними фолиантами и один-единственный витраж с изображением ледяной пустыни.

Уселся в кресло и достал из ящика стола знакомую папку. Ту самую, которую я незаметно стащил со стола Грейстоуна, когда тот отвлекся на наш спор и отправил телепортом сюда.

На обложке было написано: "Летиция Саншайн. Личное дело".

Открыл ее, ожидая увидеть стандартные биографические данные: оценки, пройденные практики, рекомендации.

Но все оказалось... глубже.

Желтое платишко оказалось набором контрастов. Отличные оценки по психологии и смежным дисциплинам сопровождались замечаниями о "проблемном поведении".

— Интересно, что имеется ввиду под словом "проблемное"? — задумчиво пробормотал я.

А "склонность к неподчинению и сарказму", которую я уже успел прочувствовать на собственной ледяной шкуре, граничила с "невероятной эффективностью в кризисных ситуациях".

— А вот это то, что нужно!

Практика в детском саду: ее отчет о психологическом климате среди воспитателей привел к увольнению заведующей и реформе всего учреждения.

"Может меня отсюда тоже уволят после ее практики?" — тяжело вздохнув, малодушно помечтал я про себя.

Практика в тюрьме: ее рекомендации по работе с отделами безопасности и охраны снизили уровень конфликтов на 30% за два месяца.

Девчонка умела влиять. Умела менять системы.

Я невольно покосился на свою руку, в которой все еще отдавалась неведомая мне сила легкой вибрацией — что-то в ней явно было.

А потом я дошел до раздела "Семья и социальное положение".

Мать — кухарка в таверне, любит прикладываться к бутылке. Отчим — мелкий криминальный делец. Отец — неизвестен.

Место жительства — деревня на окраине Сознания, граничащая с Бессознательным. Фактически — дно.

Рекомендация от местного старосты: "Девочка умна, но строптива. Родители намерены сдать ее в аренду в городской бордель для покрытия долгов. Рекомендуются по возможности трудоустроить вне деревни для ее же безопасности".

И последняя, собственноручная пометка Летиции в разделе "Карьерные цели".

"Получить работу в государственном учреждении столице Сознания с предоставлением служебного жилья. Независимость. Безопасность. Свобода.

Я закрыл папку и откинулся на спинку кресла, уставившись в ледяной витраж.

— Независимость. Безопасность. Свобода, — повторил я самому себе.

Она боролась. Не с системой, а с самой трясинной жизни, которая засасывала ее с самого рождения. И она почти вырвалась. У нее было направление в город. Шанс.

А я этот шанс отобрал. Украл его. Притащил ее сюда, в самое пекло, под предлогом — сделки.

Потому что она сказала, что может договориться с камнем. И потому что ее желтое платье и дурацкая шутка растревожили лед, под которым я давно похоронил все, что могло напоминать о чем-то живом.

Я вновь посмотрел на свою руку. Ту самую, что держала ее локоть. На коже не осталось и следа от того жгучего, солнечного ощущения. Но память о нем не проходила.

— Идиот, — тихо сказал я пустому, холодному кабинету. — Совершеннейший идиот. Что я наделал?

Глава 4. Главный по печенькам и основы экологичного поджигательства

— Располагайтесь, — все так же безэмоционально заявил дракон.

— Но... — хотела было возразить я и задать еще миллион вопросов, но он сбежал.

Щелкнул своими красивыми длинными пальцами и растворился в воздухе.

— Вот же ледяной рептилоид с кризисом среднего возраста! — выругалась я вслух и мне даже уже было все равно услышит он меня или нет.

Где, по его экспертному мнению, я должна была здесь “расположиться”? Прямо посреди зала на холодном каменном полу? Палатку поставить? Разжечь костер из древних скрижалей? Я тяжело вздохнула и потеряла виски.

Адреналин начал отступать, оставляя после себя леденящую усталость и осознание полной, тотальной безысходности.

Я плюхнулась на широкий подоконник одного из витражных окон. Стекло было ледяным. Вид открывался... ни на что. Тот же сиренево-серый туман, клубящийся в безвоздушном пространстве, будто мы находились внутри гигантского, заплесневевшего аквариума. Весело.

Мое размышление о том, как бы мне не умереть от голода и холода в ближайшие сутки, прервал странный звук. Скребущий, шипящий, с легким потрескиванием, как будто кто-то тер друг о друга два куска пемзы, из которых сыпались искры.

Я насторожилась, медленно повернув голову. Из-за массивной колонны, украшенной резьбой в виде замерзших воплей (очень жизнеутверждающе, кстати), показалась морда. Не человеческое лицо, а именно морда.

Маленькая, размером с крупную собаку, покрытая темно-красной, почти бордовой чешуей. Огненно-желтые глаза с вертикальными зрачками смотрели на меня с немим, хищным интересом.

Из ноздрей вырывались крошечные клубы дыма, а кончик длинного хвоста, увенчанный чем-то вроде костяной булавы, нервно подергивался, высекая из камня пола мелкие, злобные искорки.

Чирк-чирк-чирк.

— О, — сказала я, замирая. — Привет. Ты местный?

Дракончик (а это был определенно детеныш дракона, или что-то очень на него похожее) глухо зарычал. Звук напоминал перекачивание горячих углей в бочке.

— Уходи, — просипел он. Голосок был скрипучим, сварливым, как у подростка, который только что обнаружил, что его комната занята. — Это мое место. Я не согласен делиться. Уходи отсюда!

Он сделал шаг вперед, и я увидела, что на его левой передней лапе была надета массивная, неуклюжая на вид наруч-манжета из тусклого металла, от которой тянулась тонкая, почти невидимая цепь, теряющаяся в тени колонны. Не то ограничитель, не то подавитель.

— Понимаю, — кивнула я, стараясь дышать ровно. Сердце, конечно, колотилось, как сумасшедшее. Меня уже похитил один дракон, теперь второй, мелкий, но явно пиромания-кальный, хочет меня поджарить. Просто сказочный день. — Я не претендую на твое место, просто присела. День был дурацкий, если честно.

— Ты врешь! Двуногие всегда врут! — выдохнул он облачко пепла и от этого пепла на каменном полу зашипело и осталось маленькое черное пятно. — Все хотят что-то у меня отнять! Одежду, еду, место у слабого огня! Потом ругаются! Или тушат!

Он говорил с такой горькой, свирепой обидой, что внутри меня подняла голову спасательно-сердобольная часть, которая всегда тяготела к притаскиванию домой и отмыванию всех бездомных зверушек, которые только попадались мне на пути.

Передо мной был ходячий, дышащий огнем комплекс преследования, помноженный на неконтролируемую агрессию. Классика Бессознательного.

— Меня зовут Летти, — сказала я, медленно сползая с подоконника на пол, чтобы быть с ним на одном уровне. — Меня притащил сюда большой ледяной мистер “Я-Сделал-Свой-Выбор!”. Знаешь такого?

Дракончик фыркнул и из ноздрей вырвался маленький язык пламени.

— Знаю. Он тоже ругается. Не дает гореть как следует!

— А как тебя зовут? — спросила я, игнорируя его жалобу на пожарную безопасность.

— Зачем тебе? — дракончик настороженно прищурился.

— Чтобы знать, как обращаться. Не называть же тебя “эй, маленький поджигатель”.

Он задумался, его хвост на секунду перестал высекать искры.

— Искрик, — буркнул он наконец.

— Отлично, Искрик, — уже более уверенно, но без напора, сказала я. — Я здесь, потому что “Я-Сделал-Свой-Выбор!” хочет, чтобы я тут все прибрала, но я понятия не имею, где что находится. Ты случайно не знаешь, где тут кухня?

Искрик смотрел на меня, явно обрабатывая информацию. Конфликт между желанием меня сжечь за вторжение и потенциальной выгодой от того, что я могу уйти с его территории, был написан на его морде крупными, дымящимися буквами.

— Тебе какая нужна? — продолжая смотреть на меня с подозрением, все же уточнил дракончик. — Общая или хозяйская?

— Мне бы ту, на которой есть печенки, — надеясь на то, что мои расчеты верны, сказала я.

— Печенки... — повторил он, и в его голосе прозвучала такая тоска, что мне стало его искренне жалко. — Я... я знаю, где они. Но они под замком. Большим. Железным. Чтобы я... не поджарил там ничего.

Он произнес это с таким глубоким, недетским оскорблением, что я еле сдержала улыбку.

— Понимаю, несправедливо. Печенки должны быть доступны всем, — сказала я с полной серьезностью. — Может, мы объединим усилия? Ты проводишь меня на кухню, а я, как человек и временный сотрудник, попробую договориться с этим замком. Или, на худой конец, найти ключ. Печенки поделим пополам. М?

Искрик замер. Желтые глаза сверлили меня, будто пытаюсь обнаружить подвох. Дымок из ноздрей поутих.

— Ты... не боишься меня? — спросил он недоверчиво. — Я могу сжечь твоё платье. Оно желтое. Яркое. Как цвет танцующего огня.

— Знаешь, после того как тебя похитил ледяной дракон-гигант, угроза быть слегка обожженной небольшим, но симпатичным дракончиком как-то теряет свою остроту, — честно призналась я. — И потом, мы же будем партнерами по добыче печенок. Партнеров не поджигают. Это непрофессионально.

Он снова фыркнул, но на этот раз это было похоже на сдержанный смешок. Цепь на его лапе звякнула, когда он неуверенно сделал шаг ко мне.

— Ладно, — проскрипел он. — Но если обманешь... я подожгу... твои туфли. Розовые. Глупые.

— Честное слово, — сказала я, поднимаясь. — Веди, о великий знаток кухонных тайн и хранитель сокровищ в виде сахарного печенья.

Искрик, видимо, решив, что “великий знаток” звучит неплохо, важно развернулся и пошлепал в сторону одного из темных арочных проходов, волоча за собой цепь. Я последовала за ним, стараясь не наступить на его подергивающийся хвост.

Путь оказался неблизким и запутанным. Мы шли по полутемным коридорам, миновали несколько залов, где тени двигались сами по себе, а с потолка капала какая-то липкая субстанция.

Искрик рычал на каждую тень и шипел на каждую лужу, словно обозначая свою территорию. Временами он останавливался, чтобы попробовать поджечь особенно вызывающе висящую паутину, но из его пасти вырывалось лишь жалкое пламя, тут же затухающее с дымком.

— Этот проклятый ошейник! — виновато огрызался он. — Только позорит меня перед окружающими, не дает продемонстрировать свою мощь.

Наконец, мы вышли к тяжелой дубовой двери, украшенной коваными железными полосами. Замок и правда был огромным, ржавым и выглядел так, будто пережил не одну осаду.

— Вот, — мрачно сказал Искрик, усаживаясь на задние лапы. — Говорил же. Не пройти.

Я осмотрела замок, затем дверь. Потом заметила, что одна из массивных железных петель отходит от косяка примерно на сантиметр. И тут у меня возникла гениальная идея.

— Искрик, — вдохновенно сказала я. — Я кажется, нашла применение твоему дару.

Дракоша недоверчиво скрестил верхние лапы на груди и уставился на меня.

— Что если попробовать действовать не широким пламенем, а тонкой, очень горячей струей? Два точечных удара по петлям.

Он насторожил уши-рожки.

— Зачем?

— Чтобы выбить крепления, — пояснила я. — Петля лопнет — дверь перекосится и ее можно будет открыть с этой стороны.

Желтые глаза загорелись священным огнем чистой, незамутненной разрушительной радости.

— То есть эти петли нужно сломать?

— Именно. Но аккуратно. Только петли. Демонстрация твоего высочайшего мастерства и контроля. Без пожара и разрушений.

Искрик подошел к двери, принюхался к щели. Он замер, собрался и из его пасти, с тихим свистом, вырвалась тонкая, раскаленная струйка пламени. Она была точно в металл петли.

Запахло раскаленным железом и озоном. Через минуту петля, с жалобным скрипом, лопнула. Дверь немного перекосилась и он проделал тоже самое со второй петлей.

— Получилось! — радостно воскликнул Искрик, прыгая на месте от возбуждения. Его хвост хлестал по полу, высекая целый фейерверк искр. — Видела? Видела?!

— Видела, — улыбнулась я, просунула руку в небольшую образовавшуюся щель и с силой потянула дверь на себя. Она открылась укоризненно скрипя. — Мастер-класс. Теперь ты мой официальный специалист по взлому, проникновению и термообработке металлов.

Кухня оказалась небольшой, уютной и, что удивительно, довольно чистой. В камине тлели угли. На полках стояли глиняные горшки и банки. И на дальнем столе, под стеклянным колпаком (божечки, они его даже под колпак поставили!), красовалось блюдо с идеальными, песочными печеньками в форме звездочек.

Искрик издал звук, средний между рычанием и слюнявым восторгом.

— Спокойно, — сказала я, подходя к колпаку. Он не был приклеен или приварен. Его просто накрыли. Я сняла его и взяла две звездочки. Одну протянула Искрику. — Партнерская доля.

Он осторожно, почти невероятно аккуратно для существа, выдыхающего огонь, взял печенье кончиками когтей и сунул в пасть. Желтые глаза закатились от блаженства.

— Еще, — простонал он.

— Сначала чай, — сказала я, уже разыскивая чайник. Нашла. Нашла и чашки. С помощью Искрика, который, оказалось, умел нагревать воду до идеальной температуры тончайшей струйкой пара из ноздрей (я все больше им восхищалась), через десять минут мы сидели на полу возле теплого камина, пили чай из прочных глиняных кружек и уплетали печеньки. Искрик сгрыз уже пятую, причмокивая, и перестал шипеть вообще.

— Знаешь, — сказал он с набитым ртом, — ты... не такая плохая. Для двуногой. Не ругаешься. Не тушишь. Даешь печеньки.

— Я ценю хорошее сотрудничество, — откликнулась я, с наслаждением отпивая чай. Он был травяной, согревающий и невероятно вкусный после всего пережитого. — А этот ошейник... он тебе очень мешает?

Искрик поник.

— Мешает. Не дает гореть по-настоящему. Говорят, я... неконтролируемый. Опасный. Но я не хотел сжигать сарай! Я лишь хотел, чтобы ко мне не лезли.

Я слушала его жалобы на несправедливость мира, кивая и подливая ему чай. Это был просто ребенок. Очень горячий, очень травмированный ребенок-дракон, которого все боялись и потому заковали.

Именно в этот момент в дверном проеме возникла высокая, темная фигура.

Его Ледяное Величество стояло и смотрело на нас. Его ледяной взгляд скользнул по мне, сидящей на полу, по Искрику, млеющему от пятой печеньки и чая, по пустому блюду и нашему импровизированному чаепитию у камина.

Его брови медленно поползли вверх. В каменных чертах лица читалось крайнее, абсолютное недоумение, смешанное с... раздражением? Или чем-то еще?

— Объясните, — его голос прозвучал тихо, но в тишине кухни он грохнул, как обвал, — что вы делаете на МОЕЙ кухне? И почему дверь сломана?

“Кажется, я только что нашла “главного по печенькам”!” — иронично подумала я.

Глава 5. Скромное обаяние ледяного быта

Надо отдать должное мистеру “Я-Сделал-Свой-Выбор!”, он не стал ругаться на нас с Искриком, но и присоединиться к нашей увлекательной трапезе тоже отказался.

Молча и чересчур укоризненно зыркнул в мою сторону, вытащил из кармана ключ и протянул его мне.

— Что это? — не сразу сообразила я, видимо божественные песочные печеньки совсем отключили во мне способность к анализу и умственной деятельности.

Мортигор задумчиво покрутил ключ у меня перед носом, видимо, думая о том, чем же ключ еще может быть, кроме, как ключом, и сказал:

— Отмычка для двери в твою комнату, мисс Саншайн, — потом снова глянул на снятую с петель дверь кухни, недовольно цыкнул и продолжил: — Искриус проводит тебя. И давайте больше без вандализма!

— Господин, я... — жалобно начал Искрик, выглядывая из-за моей спины, но я его перебила.

— Господин Мортигор, — обратилась я к дракону. — Искрик здесь не при чем! Это была моя идея и я готова понести ответственность за содеянное.

Сайрон внимательно посмотрел на меня, чуть недовольно поджав губы, после чего закрыл глаза, тяжело вздохнул и указав рукой на дверь, тихо произнес:

— Хорошо. А теперь, просто идите.

— Но... — хотела было возразить я.

— И-ди-те! — по слогам повторил дракон, который судя по всему начинал терять терпение.

Искрик дернул меня за подол платья и мотнул головой в сторону двери. Мне ничего не оставалось, кроме как забрать ключ из рук Его Ледяного Величества и отправиться за дракончиком.

Когда мы отошли на более-менее безопасное расстояние от хозяйской кухни, я предположила, что на таком расстоянии драконий слух уже не должен действовать и спросила:

— Тебе сильно влетит?

— Не знаю, — неопределенно пожал плечами Искрик. — Может быть просто поругается, а может оставит без выходного. Я же применил свою силу.

— Без выходного? — уточнила я.

— Да, — кивнул дракон, остановился около невзрачной двери и пояснил: — Бывают дни, когда он разрешает мне гулять по лесу за академией без ошейника. Я называю их выходными.

— Прости меня, пожалуйста, — виновато опустив голову, сказала я. — Я не хотела тебя так подставлять.

— Да, ладно, — махнул лапой Искрик. — Печеньки, действительно, были волшебные. И потом, ты же за меня заступилась.

— И этим, кажется, сделала только хуже, — пробурчала я.

— Не важно, — погладил меня по руке своей шершавой лапой Искрик. — Важно, что заступилась. За меня никто раньше не заступался.

Что-то в его словах зацепило ту часть моей души, которую я усердно прятала от окружающих и я, поддавшись эмоциональному порыву, чуть наклонилась и обняла дракончика за крепкую чешуйчатую шею.

— Спасибо, что не сжег меня, — прошептала я ему в ухо, шмыгнув носом.

— Двуногая, ты меня сейчас задушишь, — неуверенно похлопал меня лапой по плечу Искрик. — Вот, комната твоя.

— Да, да, — незаметно смахнув непрошенные слезы, согласилась я, вставляя ключ в замочную скважину. — Еще раз спасибо.

Дракончик кивнул и отправился по своим делам, а я вошла внутрь, отведенных мне “королевских” апартаментов.

Комната была... нейтральной. Как будто ее создавали по инструкции “минимальные условия для выживания разумного существа”.

Справа от входа стояла узкая, но, на удивление, нормальная кровать с серым шерстяным одеялом и одной плоской подушкой.

Напротив — небольшой деревянный столик у единственного окна. Окно, кстати, было крошечным и смотрело не на мистические пустоши, а на внутренний замкнутый дворик, где в полумраке угадывались очертания заросшего колодца и сломанной скамьи.

На столе горела магическая шарообразная лампа, прикованная цепочкой к стене, видимо, в целях профилактики краж казенного имущества.

В углу комнаты стоял пустой дубовый шкаф, который выглядел так, будто последний, кто им пользовался, испарился от скуки.

И, о чудо, в противоположном углу была небольшая дверца. Я открыла ее и обнаружила совмещенный санузел размером с телефонную будку: каменная раковина с одним краном (из которого, после долгого шипения, потекла ледяная вода) и все остальное, необходимое для соблюдения гигиены.

“Сурово, но функционально, — принимая дары, подумала я. — В деревне у матери было хуже”.

Я вздохнула, сняла свои многострадальные розовые туфли и плюхнулась на кровать. Пружины жалобно заскрипели, но выдержали.

И тут мой взгляд упал на столик. Рядом с лампой лежал сложенный пополам лист плотной бумаги.

Любопытство пересилило усталость. Я встала на холодный, каменный пол, подошла, взяла записку и развернула ее.

“Твой первый день практики завтра в семь тридцать утра. Завтрак подается с восьми до половины девятого. В девять — общее собрание в главном зале. Не прости, мисс Саниайн.

Р. С. И смени, наконец, платье на менее вызывающе-яркое. Есть риск спровоцировать у половины педсостава приступ ксантофобии”.

Я уставилась на эти строки и по моему лицу медленно расплзлась улыбка. Сначала робкая, потом широкая, а потом я тихо рассмеялась, опускаясь на стул.

“Ксантофобия. Боязнь желтого цвета. Ну, конечно, — пробормотала я, трясая запиской. — Он даже свои придирки облачает в диагностические термины”.

— Чтоб тебя, ледяной зануда, светлячки покусали! — беззлобно фыркнула я и отправилась спать, на ходу вспоминая, как купировать приступ цветобоязни, потому что другого платья у меня не было.

Глава 6. Яркое пятно на фоне хронических расстройств

Ровно в восемь я, гонимая непреодолимым чувством голода и любопытства, уже стояла у дверей в общую столовую, куда меня любезно согласился проводить Искрик.

Проходящие мимо обитатели академии косились на меня, кто с тревогой, кто с подозрением. Была даже парочка презрительных фырков в мой адрес, но грязно-желтое платье и розовые туфли делали свое дело и отпугивали от меня тех, с кем мне, по всей видимости, предстояло познакомиться после завтрака.

Столовая оказалась длинным, мрачным залом, где за грубыми столами сидели, стояли и парили самые печальные создания, которых я когда-либо видела. Запах стоял соответствующий: подгоревшая каша, пыль и легкий аромат хронической безнадёги.

Мой завтрак представлял собой миску серой, комковатой овсянки с подозрительно жесткими вкраплениями (я решила не исследовать их природу) и кружку бледного, горьковатого отвара, отдаленно напоминающего чай.

Искрик, сидевший рядом на полу, смотрел на мою трапезу с таким сочувствием, будто я ела пепел.

— Это все? — прошептала я, с трудом проглатывая очередной комок.

— По вторникам иногда бывает варенье, — так же тихо сообщил он. — Кислое. Но хоть что-то.

Я вздохнула. Пища для души, говорили они. Моя душа начинала капризно требовать хотя бы кусочек сахара. Но деваться было некуда.

Через полчаса начиналось собрание и я должна была быть в форме и никакая каша, выглядящая, как экзистенциальный кризис не помешает мне в мой первый рабочий день.

В девять я вошла в главный зал, который теперь был заполнен. Точнее, в нем собралось самое разношерстное и психологически сложное сообщество, которое только можно вообразить.

Они стояли кучками, избегали взглядов, кто-то тихо скулил в углу, а один эльф с безупречной внешностью в ужасе разглядывал свое отражение в полированной поверхности доспехов.

Мой внутренний психолог ликовал и плакал одновременно: клинический материал на столетия вперед, если, конечно, я сама не стану частью этой коллекции.

Господин Ледяной Дракон стоял на небольшом возвышении, холодный и неподвижный. Когда я подошла ближе, он наклонился ко мне и его ледяное дыхание коснулось моего уха.

— Я же просил, чтобы ты сменила платье, мисс Саншайн, — его голос прозвучал тихим, шипящим шепотом, предназначенным только для меня. — Ты похожа на место преступления.

Его придирки по поводу моего внешнего вида мне уже порядком поднадоели. Я секунду размышляла, как ему ответить и придя к выводу, что моей вины в моем внешнем виде, конкретно сейчас, нет, ответила ему в его же манере.

— Я бы с радостью это сделала, если бы у меня было на что, — так же тихо парировала я, с вызовом глядя дракону в глаза. — Но меня похитили из приемной, когда у меня с собой был только блокнот для записей. Могу обклеиться листами из него. Они белые. Вашей ледяной душе подойдет такой наряд?

Ни одна мышца на его безупречном лице не дрогнула. Но в глубине ледяных глаз, там, где обычно плескалась лишь арктическая пустошь, на долю секунды мелькнула искорка. Не гнева. Скорее... острого, живого интереса.

Или мне показалось? Она исчезла так же быстро, как и появилась, уступив место привычной холодной насмешке.

— Остроумно, — процедил он уже громче, отстраняясь. — Учтем твои скромные возможности на будущее.

Сайрон развернулся к залу и его голос, холодный и четкий, зазвучал под сводами.

— Приступим. Перед вами Летиция Саншайн. Практикантка. Она здесь, чтобы внедрить подобие порядка в этот прекрасный хаос. Ваша задача — не сожрать ее в первую неделю. Ее задача — пытаться вас организовывать. Надеюсь, взаимное раздражение приведет вас к каким-нибудь сдвигам.

И началось. Это было похоже на самую мрачную и увлекательную экскурсию по музею патологий.

Я лихорадочно открыла свой блокнот, достав карандаш (спасибо богам, он был при мне).

Сайрон указал на первую фигуру слева от меня. Мужчина-эльф, его изысканные черты были искажены вечной гримасой брезгливости и подозрительности.

— Фобиус Вермиллион, главный по Факультету Страхов, — представил ректор. — Его специализация — социальные фобии. Боится всего: чужих взглядов, громких звуков, неправильно положенных вилок. Его личный страх — что на нем есть невидимое пятно, которое все видят и смеются. Собственно, сейчас он боится тебя и твоего ужасающего жизнелюбия.

Фобиус нервно поправил безупречно чистый манжет и отвел глаза, а я мысленно одернула себя, чтобы не пытаться лихорадочно оттереть грязь с платья. Это называется “шоковая терапия” — пусть привыкают.

Рядом с ним сидела женщина с лицом куклы и абсолютно пустым, стеклянным взглядом.

— Анекса Стрэндж, — продолжил дракон. — Ее конек — диссоциативные расстройства и дереализация. Иногда она уходит в себя так глубоко, что мы вынуждены вытаскивать ее из шкафа или из-под стола. Не жди от нее быстрых ответов.

Дальше шли более колоритные экземпляры.

Кловен, огромный оборотень с шерстью цвета мокрого пепла, олицетворявший страх темноты (ирония судьбы для оборотня) и панические атаки. Он сидел, сгорбившись, пытаясь казаться меньше.

Мадам Иксион, драконша с потускневшей чешуей, чей огонь стал холодным и синим — страх отвержения и синдром самозванца заставили ее буквально выжечь свою внутреннюю силу.

И последний на этом факультете — тощий, вечно дрожащий маг по имени Трепетус, чья магия давала сбой каждый раз, когда на него смотрели более двух пар глаз.

“Да-а, — протянула я про себя. — Этому трудно будет преподавать целой группе студентов. Собственно, как и всем остальным”.

— Факультет Комплексов и Синдромов, — продолжил Сайрон, переведя взгляд на другую группу, а я перевернула страницу.

Здесь царили иные настроения.

— Лорд Перфектус, — он кивнул в сторону ослепительно красивого дракона в безупречном костюме, который смотрел на меня, словно на насекомое. — Комплекс бога, нарциссическое расстройство. Считает всех, включая меня, недостойной пылью под своими когтями. Уверен, что его сослали по ошибке, вызванной всеобщей завистью.

В подтверждение слов ректора Перфектус громко цокнул и закатил глаза от недовольства, чем вызвал сдавленный хи-хик у всех присутствующих. Даже у Сайрона.

Рядом сидела девушка-ведьма с двумя разномастными котами на плечах.

— Моргана Герд, — перешел к следующему персонажу Мортигор. — Синдром Мюнхгаузена и потребность во внимании. Если не обращать на нее внимания где-то минут пять, она обязательно упадет в обморок, подхватит редкую болезнь или найдет у себя третий глаз.

Ведьма обиженно надула губы, но Сайрон категорично отрезал:

— Моргана, не сейчас!

Там же были:

Гном Громобой с комплексом Наполеона, компенсирующий рост невероятной громкостью речи.

Эльфийка Лаймариэль, страдающая от синдрома отложенной жизни и вечно готовящаяся — начать все с понедельника.

И вампир Аларик, с комплексом вины настолько глубоким, что он даже пил только синтетическую кровь и постоянно извинялся за свое существование.

— Факультет Негативных Установок, — рука дракона описала дугу в сторону трех угрюмых лиц. — Мистер “Да-Но-Это-Не-Сработает”, официально известный как Кассиус. Его магия основана на создании оберегов от неудач, которые... обычно притягивают неудачи. Рядом — мисс “У-Вас-Получилось-Потому-Что-Вам-Повезло”, она же Веста. Профессиональный обесцениватель чужих достижений. И их верный спутник, маг Нихилистрон, считающий, что все бессмысленно, особенно попытки что-то изменить.

Я слушала, внимательно конспектировала все, что говорил ректор и постепенно ощущала, как внутри разливается тепло, основанное на исследовательском интересе.

Я пройду здесь практику и если у меня получится... Нет, не так! Когда у меня получится организовать всю эту разношерстную публику в дружный преподавательский коллектив, я смогу не только дипломную написать, но и целую диссертацию. А это уже совсем другой уровень.

— Саншайн, а ну-ка, соберись! — вывел меня из мечтательных раздумий, строгий голос Мортигора. — И, наконец, вишенка на торте, Факультет Детских Трав.

Леди Эхо, драконша, которая может воспроизвести любой пережитый ею ужасный момент в мельчайших деталях, погружая в него окружающих.

Мистер Фантом, призрак, который не помнит, как умер, и ищет свою потерянную игрушку по всем коридорам.

Серафина Плакса, нимфа, чьи слезы вызывают у всех, кто их видит, воспоминания об их собственном самом горьком детском разочаровании.

Брут, орк с травмой брошенности, который следует за первым, кто проявит к нему доброту, становясь неуклюжим, назойливым и опасным в своей привязанности.

И... мисс Тик-Так, бывшая хрономант, чьи внутренние часы сломались в момент психологической травмы. Она живет рывками, повторяя одни и те же действия в течение строго определенных интервалов.

Он закончил. В зале повисла тяжелая тишина, нарушаемая только нервным постукиванием пальцев Фобиуса и ритмичным тиканьем, доносившимся от мисс Тик-Так.

— Ну, а с Искриусом ты уже познакомилась, — Сайрон указал на дракончика, сидящего у моих ног. — Занимает должность ответственного за аварийное теплоснабжение и... точечную термообработку металлических конструкций. На практике это означает, что он имеет склонность к пиромании, но мы пытаемся направить ее в конструктивное русло. Пока с переменным успехом.

Искрик робко прошипел что-то ему в ответ и дымок повалил у него из ноздрей.

Собрание, наконец, окончилось. Существа начали расходиться, унося с собой свои миры.

— Завтра утром я жду от тебя подробный план по реорганизации педсостава, — все таким же холодно-отстраненным голосом сообщил ректор. — После завтрака в моем кабинете.

После этого он резко развернулся и направился к выходу. Я, не раздумывая, рванулась за ним.

— Господин Мортигор! Я хотела с вами кое-что обсудить!

— Не сейчас, Саншайн, — отрезал он, не замедляя шаг, свернув в узкий, темный боковой коридор.

— Это важно! — настаивала я, еле успевая за ним. — На счет Искрика.

— Этот несносный дракон чувствует себя лучше, чем хочет показать, — не останавливаясь, фыркнул ректор.

— Я так не думаю. Этот ошейник мешает ему реализовывать свой потенциал. Душит. Заставляет страдать. Может, если...

— Без “если”, Саншайн! — не дав мне договорить, перебил меня Мортигор, продолжая идти. — Он опасен. Ошейник — необходимая мера предосторожности.

— Он не опасен! — воскликнула я. — Он всего лишь напуганный ребенок! Снимите с него этот ошейник!

— Нет.

Этот ледяной, бесповоротный отказ словно сорвал во мне какой-то предохранитель. Не думая о последствиях, забыв о субординации, я схватила его за руку.

Он вздрогнул всем телом, будто получил удар током.

— Сайрон, пожалуйста! — выдохнула я, крепче сжимая его холодную ладонь в своих горячих руках. — Прошу! Под мою ответственность! Дай ему шанс!

Глава 7. Душевные ожоги, осознания и шепотка уязвимости

Ее прикосновение было подобно удару молнии. Нет, молния — это слишком грубо. Это было тоньше, острее. Как если бы в ледяную тишину моего существования вонзили раскаленную до бела иглу и от нее по всем замороженным связям разошлась волна оглушающего, вибрирующего звука жизни.

Чистой, нефilterованной, дерзкой жизни.

Ее пальцы обхватили мое запястье — место, где под кожей пульсировали линии магических татуировок, скрепляющих мою драконью форму.

Они были маленькими, но удивительно сильными. И жаркими. Не просто теплыми, как дыхание. Они жгли. Будто ее кожа была сделана из солнечного света, а не из плоти.

Я отдернул руку, как от открытого пламени, и странный трепет пробежал от ладони до самого плеча, заставив что-то сжаться глубоко в груди.

“Великолепно, Мортигор, — зашипел внутренний голос, полный саркастического яда. — Ты притащил не просто практикантку в ярком платье. Ты притащил практикантку, которая оставляет на твоей коже ожоги, сама того не зная. Ожоги третьей степени по шкале твоего покоя. Прекрасный прогресс”.

Она стояла передо мной, вся в порыве. Глаза, обычно полные язвительного огня, сейчас пылали чем-то другим — неистовой, самоубийственной решимостью.

Ее пухлые губы, слегка приоткрытые от быстрого дыхания, казались удивительно... живыми на фоне вечных серо-синих тонов этого коридора. Я поймал себя на том, что задержал на них взгляд дольше, чем вообще не следовало бы на них смотреть.

“Черт! — выругался я про себя. — Соберись. Это не холодная оценка ситуации. Это угроза целостности твоего ледяного равновесия”.

— Прошу! Под мою ответственность! — выдохнула она и в ее голосе дрогнула та самая нота, от которой у меня снова екнуло под ребрами. Настойчивость, смешанная с почти детской верой в чудо. Такая же яркая и раздражающая, как и все в ней.

“Ответственность? Какое очаровательно-наивное слово. Ты понятия не имеешь, в какую трясину лезешь, солнечная девочка”, — подумал я, чувствуя, как по руке, схваченной ею, все еще бегут мурашки — странное, навязчивое эхо ее прикосновения.

Я резко развернулся и зашагал прочь, не оглядываясь, но намеренно не ускоряя шаг. Знал, что она последует за мной. Такие, как она не сдаются. И, черт возьми, именно это меня и будоражило.

Я слушал ее быстрые, цокающие шаги позади. Звук ее туфель по камню был единственным настоящим, живым звуком в этой обители безжизненности.

— Куда мы идем? — спросила она, поравнявшись. От нее пахло чистотой, как после дождя. Я случайно вдохнул этот запах и чуть не потерял рассудок.

— Закрывать твой не в меру активный рот фактами, мисс Саншайн, — процедил я, сводя челюсти. — Раз уж ты рвешься играть в спасательницу, то должна понимать, с чем тебе предстоит иметь дело.

Мы поднялись в мой кабинет. Она вошла и пространство, казалось, слегка сжалось, наполнившись ее присутствием.

Я наблюдал краем глаза, как ее взгляд скользит по стенам из черного льда, по строгим линиям мебели. Не восхищение, не страх — все та же клиническая, аналитическая оценка.

Она изучала мое логово, как экспонат.

“Наверное, уже ставит предварительный диагноз: „Хроническая эмоциональная гипотермия на фоне профессионального выгорания и застарелой вражды с Верховным“. Почти попала в цель”, — с горькой усмешкой подумал я.

Я подошел к шкафу. Ее взгляд сразу же прилип к моим рукам, когда я шелкнул пальцами, разблокировав магический замок. Наверное, следила за движением сухожилий, за игрой света на татуировках.

Почему-то это осознание заставило мои движения стать чуть более четкими, чуть более... демонстративными. Глупость.

— Архив инцидентов, — произнес я, голос прозвучал чуть хриплее, чем я планировал. Достал папку и, вместо того чтобы просто положить ее, шепнул на стол перед ней. Легкий хлопок разорвал тишину. — Читай. Возможно, это охладит твой пыл.

Она осторожно открыла папку, а я позволил себе наблюдать. Как ее брови сдвинулись к переносице.

Как палец с коротко остриженным, чистым ногтем (ничего лишнего, практично) скользнул по строчкам. Как она сглотнула, читая отчет целителя о риске самосожжения.

Ее сочувствие было почти физически ощутимым — теплой, мягкой волной, прокатившейся от нее через весь кабинет. Оно не раздражало. Оно... беспокоило.

Она подняла на меня глаза и в них не было ни торжества, ни укора. Было понимание. И та самая решимость, которая теперь казалась не наивной, а... отважной. Глупой, чертовски глупой, но отважной.

Мой взгляд на мгновение задержался на ее ресницах — они были темными, длинными, и сейчас, когда она смотрела на папку, а потом на меня, они отбрасывали крошечные тени на скулы. Я резко отвел глаза в сторону, к вечным сумеркам за окном.

— Этот ошейник, — начал я и слова давались тяжело, будто я выковыривал их из льда, сковавшего мне горло, — в первую очередь мера безопасности для него самого. А не для окружающих. Хотя и эта функция, конечно, присутствует.

Признаться в этом ей было невероятно трудно. Это означало показать уязвимость. Не свою, нет. Но показать, что мои методы не идеальны. Что я не всемогущий ледяной бог, а просто... наблюдатель, который не всегда справляется.

— Я нашел его на окраине, — продолжил я, заставляя голос звучать ровно, но он все равно притих. — Маленький. Обгоревший. Он горел изнутри от ужаса и боли. Я выходил его. Пытался научить контролю. Дисциплине. — Я усмехнулся, и звук вышел сухим, как треск льда. — У меня не вышло. Я — эксперт по заморозке. По подавлению. Этот обруч — не цепь. Это костыль. Который не дает ему споткнуться и разбиться вдребезги. Потому что без него... он сгорит. Изнутри.

Я снова посмотрел на нее. Она стояла, прижимая папку к груди и это движение почему-то привлекло мое внимание — защитный жест, но не слабый. Сильный.

Она обнимала чужую боль, как свое дитя. Солнечный свет в ее глазах не погас, а стал другим — сфокусированным, теплым и невероятно твердым.

— Значит, нужно научить его дружить с огнем, — сказала она тихо, но так уверенно, будто это была не гипотеза, а план. — Не замораживать. Направлять. Дать этому пламени... канал. Цель.

— Блестящая идея, — не удержался я от сарказма, но в нем уже не было прежней ядовитости. Была усталость. И какая-то странная, щемящая надежда, которую я тут же попытался задавить. — Почему я сам не додумался? О, наверное, потому что, я потратил два года и все, чего достиг — это снизил количество инцидентов с самовозгоранием. С помощью костыля.

— Дайте мне попробовать, — она сделала шаг вперед, сокращая расстояние между нами. Я почувствовал исходящее от нее тепло. Не физическое, а то самое, энергетическое. Оно будто вибрировало в воздухе. — Я не буду снимать обруч. Не сразу. Но дайте мне поработать с ним.

Научить его распознавать, что он чувствует, до того, как это станет пламенем. Найти этому пламени выход. Искусство. Ремесло. Под вашим контролем, если хотите. Если я ошибусь — вы все заморозите. Как всегда.

“Как всегда”.

Эти слова попали точно в цель. Они обнажили всю ограниченность моих методов. Вечную зиму, которую я насаждал вокруг. И в тот момент, глядя на ее лицо, озаренное этой безумной верой, мне вдруг дико, до боли захотелось, чтобы у нее получилось.

Не ради отчета Верховному. Не ради академии. А просто... чтобы это солнце смогло растопить хоть один маленький, замерзший и одновременно обгоревший уголок этого мира.

“Хочу! Очень хочу”, — пронеслось у меня в голове с такой неистовой, неконтролируемой силой, что я едва не сделал шаг навстречу ей. Это было мое желание. Мое личное, глупое, опасное желание.

— Ты понимаешь, что Искрик — не игрушка? — ухватился я за последнюю рациональную соломинку. — И что нельзя сначала дать надежду, а потом развести руками и сказать: “Ой, у меня не получилось!”

— Конечно, понимаю, — кивнула она, сильнее обнимая папку. — Я поговорю с ним. Объясню все. Честно расскажу обо всех рисках.

— Три недели, — выдохнул я, и голос звучал чужим, сдавленным. — Под моим строгим контролем. Первые признаки обратного эффекта — малейший риск для него или для кого-либо — эксперимент прекращается. Навсегда. Обруч не снимается. Это не обсуждается.

Ее лицо озарилось улыбкой. Не просто радостной. Сияющей. Таким светом, от которого в моей ледяной крепости треснули стены. И в этой трещине что-то дрогнуло, забилося — старое, забытое, живое.

— Согласна, — сказала она и ее взгляд на секунду задержался на моем лице, будто ища подтверждения, что это не сон.

Она аккуратно положила папку на стол и пошла к двери. Обернулась и тихо произнесла:

— Спасибо вам.

А потом дверь тихо закрылась. Тишина снова обволакивала кабинет, но теперь она была другой. Она гудела. Гудела эхом ее шагов, ее голоса, ее прикосновения.

Я сжал кулак, все еще чувствуя на запястье прозрачное тепло ее пальцев.

— Чертов идиот, — прошипел я самому себе, уставившись в стекло, в котором теперь, кажется, отражалось не только мое лицо, но и отсвет чего-то желтого, яркого, непереносимого. — Куда ты лезешь? Что с тобой происходит?

Но ответа не было. Был только этот странный, незнакомый жар под кожей и тревожное, смутное понимание, что точка невозврата была только что пройдена. Не в ее экспериментах. Во мне.

Глава

Глава 8.

Аудит всеобщей тоски или первый день практики

Выйдя из ледяной башни Сайрона, я медленно побрела по темному безлюдному коридору. Мне нужно было прийти в себя. А заодно — разобраться в странном вихре, который крутился у меня в голове после того разговора.

Разговора, который был не похож на все предыдущие наши разговоры.

“Почему он мне это все рассказал?” — задалась я мысленным вопросом и стала перебирать варианты.

Вариант первый — циничный: он заранее уверен в моем провале и просто решил подстелить соломку, чтобы потом с ледяным торжеством сказать: “А я тебя предупреждал, Саншайн!”. Вполне в его духе.

Вариант второй — параноидальный: это был тонкий психологический прием, чтобы вызвать у меня симпатию и заставить работать усерднее. Манипуляция высшего порядка.

Вариант третий — совершенно невероятный: он сказал это, потому что... просто не смог молчать. Потому что моя наглая защита Искрика тронула ржавую струну в его ледяной душе.

“Бред, — отмела я третий вариант, спускаясь по скрипучей лестнице. — У него там не душа, а морозильная камера с комплектом острых сосулек вместо чувств”.

Но почему-то именно образ Сайрона, рассказывающего о маленьком дракончике с нехарактерной для него сдавленной интонацией, не хотел уходить из головы.

В его глазах тогда не было насмешки или язвительности. Была усталость. И что-то еще... почти человеческое. От этого становилось как-то не по себе волнительно. И тепло. Одновременно.

“Ладно, Летти, хватит копать в драконьей психопатологии, — строго сказала я себе. — У тебя есть месяц, чтобы превратить этот сумасшедший дом в подобие учебного заведения. Начиная с малого. С тех, кто хотя бы не шипит при виде твоего платья”.

Мой план был прост: найти самых “социально-подвижных” членов педсостава и выяснить, что у них болит.

Ключевая техника в организационной психологии: дать выговориться. Даже если это будет монолог о том, как ужасно пахнет воздух в мире вообще и в этом коридоре в частности.

Первой “жертвой” моего хитроумного плана стал маг Трепетус. Я нашла его в библиотеке, где он пытался слиться с тенью книжного шкафа, содержащего “Полное собрание пророчеств о неминуемом крахе всего сущего”.

— Здравствуйте, господин Трепетус! — начала я с максимально безобидной улыбкой, садясь напротив. — Я тут осваиваюсь и хотела спросить... Вы не подскажете, где здесь можно найти что-нибудь для письма? Чернила, перья? А то у меня только карандаш и он вот-вот сломается.

Трепетус вздрогнул, озираясь, не подслушивает ли нас кто.

— Шш-ш-ш, — зашипел он. — Говорите тише. Бумага... бумага чувствует неуверенность. А чернила... — он понизил голос до шепота, — чернила в последней партии были слишком... громкими. Они скрипят на пергаменте так осуждающе. Я пользуюсь угольками.

— Понимаю, понимаю, — кивнула я с сочувствием. — Угольки — они такие... тихие. А вообще, работать здесь сложно? Вот в такой атмосфере?

Он беспомощно махнул рукой, указывая на высокие, темные своды.

— Сложно? Это катастрофа! Здесь... здесь нет тишины! — он таинственно наклонился ко мне. — Стены дышат. Пол скрипит с умыслом. А вон тот гобелен с изображением плачущих

драконов... — он содрогнулся, — он шепчет по ночам. О тщетности всего сущего. Как после такого сосредоточиться на составлении учебного плана по “Основам пассивно-агрессивного волшебства”? Нужна тишина! Или хотя бы предсказуемый, не осуждающий шум!

— Запишем, — сказала я, делая в блокноте пометку “акустический террор со стороны интерьера”.

Следующей на пути встретилась ведьма Моргана. Она сидела на подоконнике в заброшенной оранжерее и с грустью смотрела на увядший кактус.

— О, это вы, — вздохнула она театрально. — Я как раз думала... Как хрупка жизнь. И как одиноко в этом холодном мире.

— Ужасно одиноко, — с готовностью согласилась я, присаживаясь рядом. — Знаете, а мне вот для отчета нужно... Ну, вы же понимаете. Нужно создать видимость деятельности. Не могли бы вы, как опытный педагог, поделиться... ну, чем-нибудь, что вас здесь искренне радует? Что вдохновляет?

Моргана печально посмотрела на меня.

— Радует? О, милочка, здесь ничто не радует. Разве что... — она задумалась. — Иногда, по большим праздникам, в столовой подают компот. Он напоминает мне о детстве. О болезни. Тогда меня все любили и жалели... А так... — она развела руками, — здесь совершенно не ценят глубину. Я подготовила целый цикл лекций “Смерть как метафора в магии низкого давления”, а аудитория пустует! Разве можно творить в вакууме безразличия? Нужно внимание! Хотя бы немножко!

Я записала: “дефицит зрительского участия и ностальгического компота”.

Затем я набрела на подсобку, откуда доносился оглушительный грохот. Там, посреди разобранных парт и сломанных манекенов для отработки заклинаний, бушевал гном Громобой.

— А! НОВОБРАНЕЦ! — проревел он, завидев меня. — ИДИ СЮДА! ПОМОЖЕШЬ ДЕРЖАТЬ!

Я, недолго думая, схватила указанную им скрюченную железную ножку от стула. Громобой стал яростно колотить по ней молотом размером с мою голову.

— ВИДИШЬ ЭТО?! — он ткнул пальцем в едва заметную трещину. — ЭТО — ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДЕРЕВА И МЕТАЛЛА! ТАКИЕ ВЕЩИ В МОЕЙ МАСТЕРСКОЙ НЕДОПУСТИМЫ! МНЕ НУЖЕН ПОРЯДОК! А У МЕНЯ ЧТО?! ХАОС! МНЕ ДАЖЕ НОРМАЛЬНО РАЗОГНАТЬСЯ НЕКУДА, ЧТОБЫ ВДОХНОВЛЕННО РУГАТЬСЯ! НУЖНО ПРОСТРАНСТВО! ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ РАЗМАХА! — и он широко взмахнул молотом, едва не задев висящую рядом паутину, в которой зашипело что-то маленькое и ядовитое.

Я, пригнувшись, записала: “острая нехватка оперативного простора для продуктивной ярости”.

Последним на сегодня, кого я решила “разговорить”, стал вампир Аларик. Он стоял в самом темном углу бального зала, грустно наблюдая, как пылинки танцуют в луче бледного света из высокого окна.

— Простите за беспокойство, — начала я, приближаясь. — Вы не видели, тут... э-э-э... призрак с игрушкой не пробегал? Мне сказали, он что-то ищет, а я хотела помочь...

Аларик вздрогнул и сделал шаг назад, еще глубже в тень.

— О, нет... То есть, да, мистер Фантом, он иногда здесь бывает... Но я, пожалуй, не лучший помощник, — он виновато опустил взгляд. — Мое присутствие только нагоняет тоску. Посмотрите вокруг: темные тона, пыль, запустение... Это все из-за меня. Я, наверное, излучаю ауру вечного полумрака. Знаете, иногда мне кажется, что если бы стены были чуть светлее... Или если бы где-то висела картина с изображением... не знаю... солнечного зайчика... — он сказал это шепотом, как строжайший секрет. — Но это, конечно, глупости. Простите, что отнял ваше время.

— Вовсе нет, — улыbnулась я, записывая уже в сотый раз суть всех жалоб, только обернутую в разную бумагу:

“ТРЕБУЕТСЯ: меньше мрака, больше света, цвета, уюта, внимания и места для самовыражения”.

Гениально. Проблема была не в них, а в самой атмосфере этого места. В тотальном, всепроникающем унынии, которое душило все живое.

К вечеру я еле волочила ноги. От бесконечных лестниц, от потока чужих эмоций, от необходимости быть постоянно “включенной”.

Усталость была приятной, профессиональной. Пусть я поговорила всего с четырьмя жителями академии, но уже видела контуры проблемы.

Добравшись до своей комнаты, я с трудом повернула ручку и, почти падая, переступила порог. И замерла.

На моей узкой кровати, аккуратно поверх серого одеяла, лежал мой старый, потертый чемодан. Тот самый, из общежития Академии Сознания, а рядом с ним стояла картонная коробка.

Первой мыслью было паническое:

“Все. Выгоняют. Не справилась даже за день”.

Сердце екнуло.

Я подошла, щелкнула замки. Внутри, аккуратно сложенные, лежали все мои нехитрые пожитки: несколько скромных платьев (синее в горошек, зеленое в полоску, серое “на всякий случай”), книги, тетради, даже та самая плюшевая сова, с которой я не расставалась с детства, хоть и стеснялась в этом признаться. Все было здесь. Все мое крошечное прошлое.

Я открыла коробку. Внутри лежали два комплекта формы. Не серая мешковина, как я боялась, а добротная, темно-синяя, почти черная ткань.

Практичные брюки и удлиненные куртки с высоким воротом и серебристой отделкой по швам.

Ткань на ощупь была теплой, словно в нее было вплетено заклинание, отгоняющее сырость и холод. На одном из рукавов витиеватым шрифтом был вышит гриф Академии Бессознательного.

Под одеждой скрывалась пара аккуратных ботиночек в цвет формы и единственное, что меня расстроило — это то, что они были без каблука.

Сверху, как вишенка на торте, лежала записка.

“Твои вещи доставлены. Форма стандартная, но ткань зачарована на устойчивость к магии уныния и внезапным понижениям температуры.”

Будь благоразумна, Санишайн, и соблюдай меры безопасности. Розовые туфли, сколь бы ни были они эстетически выверены, не являются средствами индивидуальной защиты.

Р. С. Если тоска по ярким цветам станет невыносимой — можешь повязать на шею цветной платочек, чтобы не впасть в депрессию”.

Я прочла. Потом перечитала еще раз. И тихо, но от души, рассмеялась, опускаясь на край кровати.

Провела ладонью по теплой ткани формы. Потом потрогала свое синее платье в горошек. Желтое платье, похоже, отправлялся в запас.

И, ложась спать, завернувшись в старое, пахнущее домом одеяло, я поймала себя на мысли, что впервые за этот долгий, сумасшедший день, внутри царила не только усталость и азарт первооткрывателя, но и странное, тихое чувство... почти что безопасности.

Как будто ледяной дракон, пусть ворча и язвя, начал потихоньку раскидывать вокруг меня соломку.

И это было чертовски сбивающим с толку. И чертовски... мило.

Глава 9. Путь к сердцу ледяного дракона лежит через...

На следующий день я проснулась пораньше, чтобы успеть подготовить план по реорганизации педсостава, чтобы мне было с чем идти к ректору на... каменный пол, ибо ковром у него там даже и близко не пахло.

Первым делом я облачилась в ту самую форму. Ткань, зачарованная против уныния, приятно согревала кожу, а серебристая отделка по швам ловила тусклый утренний свет, отбрасывая призрачные блики на стены.

Брюки оказались на удивление удобными, куртка сидела как влитая, а ботинки без каблука давали стойкое ощущение, что сейчас придется не столько убеждать, сколько отбиваться.

Я покрутилась перед осколком зеркала, найденного на внутренней стороне дверцы шкафа.

Выглядела я как весьма стильный, слегка заносчивый и крайне целеустремленный лаборант на секретном объекте.

“Ну, ледяной лорд, — мысленно бросила я вызов пустому коридору, — готовься. К тебе идет смета”.

Следующим пунктом программы был завтрак. Я наивно надеялась, что волшебная ткань формы как-то повлияет и на содержимое тарелки. Увы.

Каша по-прежнему имела цвет и консистенцию строительной шпатлевки после дождя, а “чай” пах так, будто его заваривали на воде из лужи, в которой тосковал призрак.

Я съела три ложки — ровно столько, чтобы не упасть в голодный обморок посреди спора, — и с чувством выполненного долга отправилась на эшафот. То есть в кабинет ректора.

Сайрон, как и ожидалось, уже сидел за своим ледяным монолитом, изучая какой-то свиток. Когда я вошла, он медленно поднял взгляд. Его глаза, холодные и оценивающие, скользнули по мне с ног до головы, задержавшись на серебристой вышивке на рукаве. Уголок его рта дрогнул в едва уловимой усмешке.

— Саншайн, — произнес он со знакомой язвительностью в голосе, но без леденящей остроты. — Ты... переоделась. Боюсь, даже самая стойкая к унынию ткань не защитит нас от последствий твоих, вероятно, специфических идей.

— О, я смотрю, вы сегодня в благостном расположении духа, господин ректор! — широко улыбнувшись, парировала я и протянула ему подготовленный мной список. — План, который вы просили.

Он взял блокнот с таким выражением лица, будто я подсунула ему живого, слегка мокрого слизня и начал читать. И вот тут началось самое интересное.

Сначала его брови лишь слегка поползли вверх. Потом они поднялись еще выше, угрожая скрыться в волосах. К моменту, когда он дошел до пункта “Обустройство зоны для вдохновленной, продуктивной и ничем не стесненной ругани для гнома Громобоя”, его глаза уже буквально лезли на лоб, а в них читалось чистейшее, неподдельное изумление.

— Компот? — выдохнул он, как будто прочитал самое шокирующее слово в своей долгой жизни. — Цветные платочки для вампира? Саншайн, ты сбежала из лечебницы для магически нестабильных оптимистов? Ты хочешь превратить мою академию в... в санаторий для душевнобольных?!

— Я хочу превратить ее из морга в учебное заведение! — вспыхнула я, упираясь ладонями в холодный камень стола и наклоняясь к нему. Воздух между нами снова сгустился, но теперь в нем чувствовалась не столько враждебность, сколько азартное, почти спортивное напряжение. — Ваши преподаватели тонут! Трепетус слышит осуждающие шепоты гобеленов, Моргана томится без зрителей, а Аларик боится собственной тени! Вы же сами сказали —

атмосфера губительна! Я просто нашла корень зла — он в этих голых, скрипучих, вечно вздымающихся стенах!

— И поэтому предлагаешь лечить стены вазонами? — он откинулся в кресле, скрестив руки на груди, но его взгляд не отпускал меня. В нем, сквозь слой привычного сарказма, проглядывало что-то новое — любопытство, смешанное с раздраженным интересом. — Это наивно. Глупо. И по-детски прямолинейно.

— Ну, во-первых, — отзеркалив его позу, начала я. — Вы, господин Мортигор, сами меня сюда притащили. Я вас об этом не просила, более того, была категорически против.

Он вздернул на меня одну свою идеальную бровь, как бы давая понять, что хватит тыкать его носом в этот опрометчивый поступок.

— Во-вторых? — спросил он, предлагая мне продолжить свою тираду.

— Во-вторых, вы в курсе, что внешняя обстановка непосредственно влияет на состояние любого коллектива, — охотно воспользовалась предложением я. — Даже такого бессознательного, как ваш.

Клянусь, в этот момент я увидела, как он усилием воли подавил смешок.

— А в-третьих, сложные проблемы иногда имеют простые, по-детски прямолинейные решения! И это нормально! — я выхватила блокнот обратно, листая страницы. — Вы требуете от них эффективности? Так дайте им возможность дышать! Громобою — пространство для размаха! Моргане — благодарных слушателей, пусть даже это будут работники кухни! Аларику — ответственность за тот самый “уголок уюта”, чтобы он перестал себя считать источником тоски!

— Ты распределяешь ответственность за уют, как генерал — войска на поле боя, — заметил Сайрон с неожиданной сухой усмешкой. — Стратегия, достойная... весьма специфического полководца.

— Спасибо за комплимент, — огрызнулась я, чувствуя, как жар поднимается к щекам не только от спора. — Или это был не комплимент? С вами никогда не угадаешь. Так вот. Для реализации этого блистательного, хоть и, по вашему экспертному мнению, “наивного” плана мне нужно: доступ к казне на закупку материалов, двух рабочих, полномочия отдавать распоряжения по интерьеру общественных пространств и... — я сделала драматическую паузу, — ваш официальный приказ, скрепленный печатью, об одобрении плана реорганизации.

Ректор смотрел на меня долго и пристально. Его взгляд скользнул по форме, по моему разгоряченному лицу, по блокноту в моих руках.

Казалось, он взвешивал все “за” и “против”, борясь с ледяной скрюгой внутри себя.

— Знаешь, Саншайн, в этой форме ты выглядишь более... убедительной, — наконец, произнес он и в его голосе снова зазвучала та самая, сбивающая с толку, хриплая язвительная мягкость. — Как маленький, очень назойливый революционер. Ладно.

Он резким движением взял со стола пергамент и печать.

— Твое разрешение. Казнохранитель уже в курсе. Рабочих пришлю. Но предупреждаю, Саншайн, — он поставил печать с таким звуком, будто пригвоздил к столу собственную репутацию, — если из-за твоего плана Громобой разрушит южное крыло, а Моргана доведет поваров до экзистенциального кризиса, отвечать будешь ты. Лично. И твой очаровательный, сводящий скулы, оптимизм — тебя не спасет.

— Риск — дело благородное, — парировала я, хватая пергамент. Сердце бешено колотилось от победы. — А теперь, с вашего позволения, у меня есть мир, который нужно перекрасить в более жизнеутверждающие тона.

Я уже была у двери, когда его, все еще хриплый, голос остановил меня:

— Саншайн.

Я обернулась.

— Удачи. Тебе понадобится уйма этой глупости.

Я лишь усмехнулась в ответ и выскочила в коридор.

К полудню все необходимое было у моих ног. До вечера я трудилась не покладая рук, меняя шторы в кабинете Трепетуса, уговаривая поваров иногда ходить на лекции к Моргане, делегировав Громобою подбор помещений для его работы и выдавая Аларику банки с красками и кисточки.

Устала я, конечно, жутко, но у меня была еще одна задумка, которую важно было выполнить именно сегодня. С трудом взяв увесистый мягкий ковер темно-синего цвета, я уверенным шагом отправилась к кабинету ректора.

Дверь оказалась приоткрытой. В это время он уходил на вечерний обход. У меня был час. Идея была самоубийственной. И потому — совершенно неотразимой.

Засунув ковер подмышку, я проскользнула внутрь. Ледяная пустота кабинета, казалось, удивленно ахнула.

Я действовала быстро: расстелила ковер прямо перед его столом, заглушив звонкость шагов. На рабочий стол поставила тяжелую лампу из матового стекла, дающую мягкий, рассеянный свет — не для красоты, а “для предотвращения травматизма при работе с мелкими шрифтами в условиях недостаточной освещенности”.

На ледяной трон постелила меховую подстилку, а рядом, на тумбу, водрузила стопку самых срочных отчетов, но сверху положила увесистый фолиант “Влияние психологии цвета на различные проявления депрессии у драконов” — на удачу.

Я уже осматривала проделанную работу и делала последние штрихи, когда за спиной раздался голос, полный смешанных эмоций — язвительности, удивления и чего-то, что звучало почти как подавленное веселье:

— Я всего лишь на час отвернулся.

Я замерла, медленно разворачиваясь.

Сайрон стоял на пороге, опираясь о косяк. Он не был похож на грозовую тучу. Скорее, на человека, который обнаружил у себя в фортепиано игривого и крайне нахального енота.

— Я, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, — провожу опыт по влиянию тактильных и визуальных стимулов на снижение уровня агрессивности рабочей среды. Начала с эпицентра.

— С моего кабинета?

— Именно. Наиболее показательная точка для сбора данных.

Сайрон вошел, позволив двери закрыться за ним. Его шаги по новому ковру стали беззвучными. Он подошел к лампе, коснулся матового стекла.

— А это?

— Мера безопасности. Вы же не хотите, чтобы наш ректор в процессе чтения очередного депрессивного отчета о провале на экзаменах по “Экзистенциальному кризису” напряг зрение и допустил ошибку в расчетах?

— Как трогательно, — пробурчал он, но пальцы его еще секунду задержались на теплом стекле. Потом он повернулся ко мне. Его взгляд был тяжелым, изучающим, но лед в нем дал трещину, сквозь которую проглядывало что-то живое и крайне заинтересованное. — Ты знаешь, что это прямое нарушение субординации, вторжение в личное пространство и акт неслышанной дерзости?

— Так отчитайте меня, — вызвалась я, подняв подбородок. — Выпишите взыскание. Лишите премии. Только сначала сядьте в кресло и оцените акустику.

Он медленно, не сводя с меня глаз, обошел стол и опустился в свое кресло. Помолчал, прислушиваясь.

— Скрип не исчез, — констатировал он.

— Но стал... менее осуждающим, — парировала я.

Он посмотрел на меня. Потом на ковер. Потом провел рукой по мягкой накидке, полностью погрузив в нее свои длинные пальцы. Потом снова на меня.

И вдруг... тихо хмыкнул. Это был не смех, а нечто более ценное — звук ледяной скорлупы, давшей еще одну тонкую трещину.

— Невыносимая, — сказал он тихим, хрипловатым голосом, от которого у меня почему-то пробежали мурашки по спине. В этот раз это прозвучало как комплимент. Самый странный и саркастичный комплимент из всех возможных. — Ладно, Саншайн. Твой “эпицентр” согласен с изменениями. А теперь иди, завтра тебя ждет общение с факультетом негативных установок. Пополни где-нибудь запас своего оптимизма.

— Есть! — я почти выскочила из кабинета, прижимая к груди остатки своего списка, чувствуя на щеках жар, а в груди — странное, ликующее и абсолютно непрофессиональное тепло.

Глава 10. Доброе Бессознательное — это сытое Бессознательное

Весь следующий день я пыталась выловить для беседы представителей факультета Негативных Установок, но они усердно от меня прятались. По своей воле они это делали или по указу Его Ледяного Величества, я не знала, но злило меня это добротню.

Кассиус растворялся в тенях при моем приближении, Веста делала вид, что срочно вспоминала о незавершенных отчетах, а Нихилистрон просто лежал лицом вниз на скамье в коридоре, издавая звуки, похожие на предсмертные хрипы.

Чудесно! А вот и первый бунт.

К вечеру я с тоской обнаружила, что еда в столовой стала еще хуже. Если раньше овсянка напоминала строительную шпатлевку, то теперь она приобрела отчетливый привкус философского пессимизма и консистенцию влажного песка, а чай пах забвением.

У меня появились крепкие подозрения, что это как-то связано с тем, что теперь повара, следуя моему же гениальному плану, ходили на лекции Морганы.

Видимо, “Смерть как метафора в магии низкого давления” оказалась слишком питательной для их профессионального энтузиазма.

Подозрения подтвердились утром следующего дня, когда я пораньше пришла в столовую, чтобы наконец выяснить, что у них там произошло. Поваров не было.

На кухне царила идеальная, звенящая чистота, а на двери висела записка, написанная дрожащей рукой: “Зачем готовить завтрак, если мы все умрем?”.

Великолепно. Просто прекрасно!

Я посмотрела на часы. Через час сюда явится вся академия, голодная и уже от природы не слишком жизнерадостная. Времени уговаривать философствующих кулинаров не было.

Я закатала рукава своей волшебной, но бессильной против идиотизма формы и полезла в кладовую.

Примерно через двадцать минут, когда я уже вовсю орудовала у плиты, пытаясь одновременно помешивать кашу в огромном котле, следить за яйцами и не поджечь себя, жаря тосты, в дверном проеме возникла высокая, темная и крайне недоумевающая фигура.

— Саншайн, — прозвучал его голос, в котором смешались привычная язвительность и чистое, неподдельное изумление. — Что ты здесь делаешь?

— Завтрак готовлю, — отрезала я, смахивая со лба пот и размазывая по нему муку. — Что, не видно?

— А что случилось с поварами?

— Экзистенциальный кризис. Коллективный. С осложнениями в виде полной потери воли к жизни и кулинарному ремеслу.

Он помолчал, переваривая информацию. Я видела, как в его ледяных глазах мелькает осознание.

— А я...

— Знаю, знаю, — перебила я, энергично помешивая кашу. — Вы говорили, вы предупреждали! Я обязательно признаю, что была не права. Но потом! А сейчас вместо того, чтобы читать нотации, лучше помогите. Каша вот-вот пригорит, а я одна не справляюсь.

— В смысле? — он произнес это так, будто я предложила ему станцевать на столе канкан.

— В прямом, — я ткнула ложкой в сторону другого котла. — У вас здесь в кладовке, между прочим, столько продуктов, из которых можно приготовить нормальную, вкусную еду! А каждый раз на завтрак мы получаем комок уныния, приправленный тщетностью бытия. Не

удивительно, что все обитатели академии такие угрюмые и негативно настроенные! Они же не питаются, они существуют на пищевом суррогате отчаяния!

— И что ты предлагаешь? — спросил он, все еще стоя на пороге, словно боялся пересечь магическую черту, отделяющую мир порядка от мира кухонного хаоса.

— Я не предлагаю, я уже делаю! — рявкнула я, окончательно теряя терпение. — И вы мне в этом сейчас будете помогать. Белый хлеб там на полке, нарежьте его ломтиками.

— Я? — это прозвучало как последний вопль аристократического достоинства перед капитуляцией.

— Слушайте, соберитесь уже! — я взмахнула перед его носом покрытой кашей ложкой. — Хватит задавать глупые вопросы! Не хотите резать хлеб? Хорошо! Идите сюда, будете помешивать вот эту кашу, чтобы она не пригорела. И магию свою примените, пожалуйста, чтобы тосты подрумянивались равномерно! Вы же дракон, в конце концов, или как?

Что произошло дальше, было похоже на самый сюрреалистичный сон.

Сайрон Мортигор, Повелитель Бессознательного, Хозяин Ледяных Глубин, с величайшим, леденящим душу недоумением на лице, медленно снял свой темный мундир, аккуратно повесил его на спинку стула, закатал рукава черной рубашки (обнажив татуировки, которые при свете кухонного огня казались еще загадочнее) и... взял в руки огромную деревянную ложку.

— По часовой стрелке, — скомандовала я, отходя от котла. — И не останавливаться.

Он молча начал помешивать. Его движения были сначала скованными, неестественными, будто он управлял не ложкой, а сложным ритуальным артефактом. Но потом, видимо, выиграло профессиональное любопытство и он вник в процесс.

Я между тем поставила охлаждаться яйца, резала фрукты и обернувшись через плечо, попросила:

— Новая порция тостов ждет вашего волшебства, господин ректор! И помните про хрустящую корочку.

Я клянусь, я видела, как он, не отрываясь от котла, щелкнул пальцами свободной руки.

Напротивне, стоящем на другом конце кухни, ломтики хлеба дружно подпрыгнули и покрылись идеальной золотистой корочкой. Без дыма. Без гари.

— Великолепно! — воскликнула я одобрительно.

Он погасил огонь под котлом с кашей и накрыл его крышкой.

— Каша готова, — отчитался он.

Наши взгляды встретились и в глубине его, все еще недоумевающих глаз, плескалось веселье и что-то такое, что я не могла описать, но это заставляло моих мурашек бегать быстрее по спине.

— А сыр нарезать на тонкие ломтики сможете? — чтобы снять неловкость, спросила я.

Он посмотрел на меня так, будто я только что попросила его распустить клубок из звездной пыли, но молча взял нож.

И, боги, он резал сыр с такой хирургической точностью и холодной грацией, что это было почти искусством.

Я невольно засмотрелась на его тонкие пальцы, держащие сыр, на тонкие паутинки вен, проступивших из-за напряжения. Мозг тут же подкинул абсолютно непрошенные картины того, как эти прохладные пальцы прикасаются к моей коже и я от неожиданности вздрогнула, чем, конечно же, привлекла его внимание.

— Обожглась? — чуть хрипловатым голосом, где-то у меня над ухом, спросил Сайрон.

— Нет, просто задумалась, — ответила я и приготовилась к тому, что сейчас будет очередная колкость, но он лишь громко втянул носом воздух и отошел раскладывать по тарелкам кашу.

Пока мы так вот стояли плечом к плечу — он у котла, я у плиты — в коридоры академии начал просачиваться первый, робкий, но невероятно соблазнительный аромат: сладкой, настоящей овсянки с маслом и корицей, хрустящего хлеба, вареных яиц.

Этот запах, теплый, сытный, живой, будто прорвался сквозь многолетние пласты ледяного отчаяния и заполнил собой все пространство.

И он начал действовать. Сначала в дверях показалась испуганная мордочка Искрика.

— Пахнет... не унынием, — проскрипел он, широко раздувая ноздри.

Потом пришел Трепетус, осторожно выглядывая из-за косяка. За ним, привлеченные немислимым для этих стен ароматом нормальной еды, потянулись и другие.

Фобиус, Анекса, Громобой (который почему-то принес с собой молоток, видимо, на всякий случай), даже лорд Перфектус явился, сохраняя вид человека, случайно забредшего в место, недостойное его особы, но... нос его чуть заметно вздрагивал.

Ровно в восемь утра на столах в столовой стояло нечто невиданное. Порция горячей, сладкой овсяной каши с кусочком масла, посыпанная сушеными ягодами и орехами. Вареное яйцо.

Горячий, хрустящий тост с ломтиком сыра и вяленого мяса. И, как вишенка на торте, кружка того самого ностальгического компота, сухофрукты для которого я, к счастью, тоже нашла в кладовой.

Обитатели академии замерли в изумлении. Потом, медленно, не веря своим глазам, стали рассаживаться.

Первой ложку каши попробовала Моргана. Ее стеклянный взгляд вдруг ожил, наполнился слезами — на этот раз, кажется, настоящими.

— Это... это вкус детства... — прошептала она.

Искрик, забыв обо всем на свете, уплетал свою порцию, причмокивая и время от времени выпуская маленькие, радостные дымочки из ноздрей.

Трепетус ел, не озираясь по сторонам, полностью погрузившись в тарелку. Громобой тихо, но с чувством произнес: «ВОТ ЭТО ДА!», что для него было равносильно овациям.

А потом случилось нечто совершенно немислимое. Лорд Перфектус, доедая свою порцию с видом критика, пробуящего блюдо в придорожном трактире, вдруг поднял глаза.

Его высокомерная маска на мгновение сползла. Он встал, подошел ко мне, все еще стоявшей в дверях кухни и сказал, слегка кивнув:

— Признаю, мисс... — видно было, что слова давались ему с трудом, но они все же были, — в Сверхсознании такую кашу не готовят. Могу ли я попросить добавки?

В столовой воцарилась тишина, которую нарушал только довольный звон ложек. Я видела, как лица вокруг меняются. Не сразу, не все, но меняются.

Угрюмые складки разглаживаются, в глазах появляется не то чтобы радость, но... удовлетворение. Спокойствие. Простое человеческое (ну, или не совсем человеческое) счастье от хорошей еды. Это было маленькое чудо. Чудо, сотворенное кашей и тостами.

Сердце у меня распирало от странной, теплой гордости. Я огляделась, ища в толпе его — того, кто помешивал котел с такой ледяной сосредоточенностью, но его нигде не было.

Я проскользнула назад, на кухню. Она была пуста. На столе рядом с потухшей плитой аккуратно лежала его ложка. Мундира на стуле тоже не было.

Он, словно исполнив свою нелепую роль, растворился в привычном для него холодном воздухе, оставив после себя только чистые котлы и тишину.

Глава 11. Невыносимая близость и предательский кофе

Сбежать.

Это было первое и единственное логичное решение, которое мой разум смог выцепить из хаоса, пока я стоял на проклятой кухне, уставившись на свои пальцы, все еще хранящие призрачное тепло от прикосновения к шершавой деревянной ложке.

И я сбежал.

Словно юнец, застуканный за чем-то постыдным. Я просто щелкнул пальцами, не дожидаясь, пока этот солнечный смерч в человеческом облики обернется и бросит очередной вызов, или — что было страшнее — улыбнется той самой улыбкой, от которой в моей ледяной крепости осыпается штукатурка.

Я материализовался в своем кабинете, в привычной, спасительной, звенящей, ледяной тишине. И сразу же ощутил предательство.

Тишина была уже не та. Она была мягкой и уютной. Я взглядом зацепился за темно-синюю шерсть, расстеленную прямо перед столом. Этот чертов ковер. Он заглушал даже эхо моих шагов, делая пространство неестественно приглушенным.

Я отвернулся, и мой взгляд упал на кресло. На ту самую меховую накидку, которую она, с видом полководца, водрузила на спинку. Раньше кресло было просто функциональным куском льда и дерева. Теперь оно выглядело... приглашающим. Мягким. Теплым.

“Великолепно, Мортигор, — прошепел я сам себе, начиная мерить кабинет шагами. — Она не просто вломила в твоё царство с цветными тряпками и дурацкими идеями. Она его... обставила. Сделала уютным. И самый ужас в том, что это чертовски работает”.

Воздух все еще казался пропитанным тем запахом — каши, корицы, подрумяненного хлеба. Не ее парфюмом, нет. Запахом чего-то простого, домашнего, живого. От этого запаха что-то сжималось в глубине груди, вызывая приступ чистейшей, первобытной ностальгии по тому, чего у меня никогда не было и быть не могло.

А потом были... ощущения. Ее плечо, на секунду коснувшееся моего, когда мы одновременно потянулись к полке со специями. Исходящее от нее тепло, физическое и то, другое — яркое, наглое, словно миниатюрное солнце.

Ее смех, сорвавшийся, когда тост идеально подпрыгнул на противне. Не саркастический, а настоящий, легкий, звонкий. Он врезался в слух, как заноза.

И самый непростительный момент — когда я стоял с этим идиотским ножом, резал сыр и почувствовал на себе ее взгляд. Не оценивающий, не насмешливый. Задумчивый. Глубокий.

И я, обладающий вековым опытом чтения самых темных мыслей, на миг потерялся, пытаюсь расшифровать, что именно она чувствует. А потом она вздрогнула.

И я, вместо того чтобы съязвить, спросил, не обожглась ли она. Какая забота! Черт бы побрал это все!

Я шагнул от окна к двери и обратно, пытаюсь вытряхнуть из головы образ ее пальцев, смахивающих муку со лба. Пытаюсь заглушить странное, щемящее желание... вернуться.

Стоять там, на этой душной, пропахшей едой кухне, и слушать, как она отдает команды. Потому что рядом с ней даже помешивание каши казалось действием, наполненным ярким, пьянящим смыслом.

Именно в этот момент, в пик моих глупейших размышлений, дверь кабинета без стука открылась.

Она вошла спиной вперед, осторожно, сосредоточенно глядя на что-то в своих руках. И мой взгляд, против моей воли, немедленно провел молниеносный, подробный аудит ее внешности.

Форма сидела на ней как влитая, подчеркивая каждый изгиб ее точеной фигуры. Стоит говорить, что своим пристальным взглядом, пока она не видит, я прошелся по каждой чертовой, сводящей с ума, линии?

“Идиот. Полнейший идиот. Это я про себя, на случай, если кто-то не понял. Кто, спрашивается, придумал эту форму? Ах да. Я. С благой целью “защиты от уныния”. Блестяще. Уныние она, может, и отгоняет, но и все остальные разумные мысли выжигает на корню!”

Она повернулась и я увидел, что держит она поднос. На нем дымились та самая каша, лежал идеально поджаренный тост с сыром, и стояла кружка, из которой пахло кофе. Настоящим, крепким, не этой бурдой, что обычно давали в столовой.

— Вы так быстро ушли, — сказала она без упрека, а с губительной для меня заботой в голосе. — Я решила принести вам завтрак сюда. Голодный ректор — злой ректор. А зачем нам злой ректор, правильно?

Она прошла к столу, поставила поднос, небрежно сдвинув мои документы локтем. Движения были уверенными, как будто она делала это каждый день.

— Приятного аппетита, — добродушно сказала она, развернувшись и направляясь обратно к двери.

Каждый ее шаг по ковру отдавался во мне глухим стуком. Внутри разверзлась настоящая битва. Ледяной инстинкт приказывал оставаться неподвижным, пропустить ее, кивнуть с холодной благодарностью и погрузиться обратно в одиночество, где все предсказуемо и безопасно.

Но что-то другое, теплое, наглое и абсолютно иррациональное, поднялось из самых глубин, сметая все ледяные заслоны.

Еще два ее шага. Она уже почти поравнялась со мной, ее взгляд был устремлен на дверь, губы плотно сжаты.

“Нет, — пронеслось в голове. — Не так”.

Когда до двери оставался один шаг, я двинулся. Не резко, но с той самой ледяной, не оставляющей пространства для маневра скоростью, которую оттачивал веками.

Я оказался у двери раньше, чем она успела до нее дотянуться, преградив путь. Просто встав между ней и выходом.

Она остановилась, подняла на меня глаза. В них промелькнуло удивление, затем настороженность, а потом — вопрос, мол, “чего тебе надо еще?”.

И это был чертовски хороший вопрос, на который у меня не было ответа.

Я смотрел на нее, на эти карие глаза, в которых сейчас отражался я — напряженный, как струна. Слова, которые я собирался сказать — саркастичные, отстраненные — испарились. Осталось только простое, нелепое, смертельно опасное желание.

— Саншайн, — произнес я и мой голос прозвучал ниже и хриплее, чем я планировал. — Позавтракаешь со мной?

Она медленно выдохнула, не отводя взгляда.

— Тут только одна порция, — неопределенно развела руками она и в ее глазах появилась нотка растерянности.

Я сделал едва заметный шаг вперед, сокращая и без того крошечную дистанцию между нами. Запах кофе, теплого хлеба и ее — просто ее — ударил в голову. Голову, которая мне теперь не подчинялась.

— Я поделюсь, — как кот промурлыкал я и сам обалдел от того, что я, оказывается, так умею.

Глава 12. Новые ледяные грани и первое занятие Искрика

— Я поделюсь... — мурлыкнул он и в глубине его глаз вспыхнул невидимый мной ранее, игривый и абсолютно коварный огонь.

“Боги! За что? — мысленно взмолилась я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Зачем он так смотрит? И... почему стоит так близко? Это же явное нарушение всех этических норм. Летиция, ты же профессионал! Отойди от своего начальника”.

Он наклонился еще чуть-чуть. Его дыхание, уже не такое ледяное, коснулось моей кожи, поднимая по ней мурашки. Весь мир сузился до синевы его глаз, в которой теперь плескалась не арктическая пустошь, а какая-то темная, магнитная буря.

Мой разум отчаянно сигнализировал: “Сделай шаг назад!”, но тело отказалось подчиняться. Оно замерло в ожидании, внутри все сжалось в тугую, сладкий комок предвкушения.

Губы Сайрона были уже так близко, что я различала мельчайшие трещинки на них, будто от мороза, но они вовсе не казались холодными.

На миг я позволила себе представить, что они вот-вот коснутся моих и мой внутренний мир взорвется, потому что такой мужчина явно должен уметь хорошо целоваться...

Взрыв, впрочем, случился снаружи. В дверь кабинета постучали. Нет, не постучали — в нее долбанули чем-то тяжелым и металлическим.

— Господин ректор! Мисс Летти! — донесся скрипучий, взволнованный голос Искрика. — У нас по расписанию индивидуальное занятие! Летти, ты обещала!

Сайрон замер. Не отпрянул, нет. Он просто остановился в миллиметре от точки невозврата и в его глазах мелькнула целая гамма эмоций: ярость, досада, ирония и... облегчение?

Он медленно выпрямился, сделав шаг назад и холодок снова вполз в пространство между нами.

— Занятия, — произнес он, приглушенно-хриплым голосом, — начинаются через полчаса, Искриус. Иди и... подготовься. Обеспечь пожарную безопасность...

За дверью послышалось растерянное шипение и удаляющиеся шаги.

Сайрон повернулся ко мне. Его лицо снова стало маской, но маской потрескавшейся, через трещины в которой пробивалось что-то очень живое.

— Ты, — сказал он, указывая на поднос, — сейчас сядешь и съешь все, что принесла. Кашу. Тосты. Даже этот восхитительно пахнущий кофе.

— Это для вас, — попыталась я запротестовать, чувствуя, как жар медленно отступает с щек, оставляя после себя дурацкую слабость в коленях.

— Саншайн, ты что, не в курсе? — он приподнял бровь. — Злобные ледяные драконы не питаются кашей. У нас строгая диета. Непослушные практикантки, нарушающие субординацию и врывающиеся в кабинеты начальства с подносами — вот наш рацион. А каша — это для того, чтобы жертва не была слишком тощей. Я, знаешь ли, не очень люблю глодать кости. Голодной на занятие я тебя не пушу.

С этими словами он щелкнул пальцами и... исчез. Просто растворился в воздухе, оставив после себя лишь легкую прохладу и стойкое ощущение, что меня только что обыграли, причем по всем статьям.

“Ну что ж, — подумала я, усаживаясь в его кресло и пододвигая к себе тарелку с кашей. — Раз уж меня записали в диетическое драконье меню, надо поддерживать форму. То есть калории”.

Каша была божественно вкусной. Тосты — идеальными. А кофе... кофе был крепким, как взгляд Сайрона секунду назад.

Занятие с Искриком проходило в заброшенном тренировочном зале, где пахло пылью, старыми страхами и... слегка подгоревшим камнем. Идея была проста: учиться распознавать эмоции до того, как они станут пламенем.

— Вот смотри, — говорила я, показывая ему карточку с нарисованной улыбкой. — Это — радость. Она теплая, но не обжигающая. Она как... как запах свежей выпечки. Попробуй воспроизвести.

Искрик, сидя передо мной в своей наручной манжете, скривил морду в невероятную гримасу, больше похожую на боль в животе и из его ноздрей повалил серый дым.

— Нет-нет, не дым! Представь что-то приятное! Печеньки! Помнишь печеньки?

— Помню! — проскрипел он и на секунду дымок стал светлее, а в желтых глазах блеснула искорка. Но тут же погас. — Но их больше нет!

— Мы испечем новые! — пообещала я. — А теперь — грусть. Она тяжелая, влажная. Как туман.

Я и не заметила, как в дальнем конце зала, в тени колонны, материализовалась высокая фигура. Сайрон стоял, прислонившись к камню, скрестив руки на груди, и наблюдал. Его присутствие было таким же остро ощутимым, как хлебная крошка в носке.

Искрик, стараясь изо всех сил, надул щеки и выпустил из пасти струйку... пара. Правда, пар был таким горячим, что на каменном полу зашипело.

— Молодец! — воскликнула я. — А теперь — злость. Вот с ней надо быть осторожнее.

— Злость я знаю! — обрадовался Искрик и, недолго думая, развернулся в сторону той самой колонны и выпустил короткую, яростную струю пламени прямо в сторону ректора.

В воздухе резко запахло озоном и... жженой кожей. Сайрон даже не пошевелился. Пламя столкнулось с невидимым ледяным щитом в сантиметре от его груди и погасло с обильным шипением.

— Искриус, — раздался его ледяной, ровный голос. — Если твоя злость настолько неразборчива, что атакует источник твоего благополучия и печенек, нам стоит пересмотреть учебный план. В сторону усиления дисциплины.

— Он просто тренируется! — вступилась я.

— В разрушении? Сомнительный навык для будущего покорителя огненной стихии, — парировал Сайрон, смахнув несуществующую пылинку с слегка обгоревшего рукава. — Продолжайте. Это чертовски увлекательно. Надеюсь, следующая эмоция — “раскаяние”? Я бы с удовольствием на нее посмотрел.

Мы продолжили. Было еще пару инцидентов с легкими возгораниями (один раз загорелся учебный манекен, изображавший “панику”, второй раз — мои конспекты, когда я попыталась объяснить “восторг”), которые Сайрон тушил одним взмахом руки, не прекращая сыпать саркастичными комментариями.

Но к концу часа Искрик смог продемонстрировать “любопытство” (аккуратная струйка теплого воздуха, исследующая карточку) и даже подобие “нежности” (едва ощутимое тепло, исходящее от его лапок, когда он осторожно взял угощение — сухарь).

Это была победа. Маленькая, пахнущая гарью, но победа.

После занятия, чувствуя себя заправским укротителем стихий (пусть и слегка обгоревшим), я наконец-то выследила представителей Факультета Негативных Установок.

Они прятались в подсобке архивов, среди кип пыльных томов с названиями вроде “Хроники Неудач: Том LXIV”.

Кассиус, Веста и Нихилистрон сидели втроем за столом, покрытым слоем пыли толщиной в палец.

— А, — мрачно сказал Кассиус, увидев меня. — Это она. Та, что несет с собой... оптимизм. Берегись, Веста, это заразно.

— Я просто хочу поговорить, — начала я, садясь на единственный свободный ящик.

— О чем? — спросила Веста, смерив меня взглядом профессионального обесценивателя. — О твоих мнимых успехах с пироманом? Поверь, это просто статистическая погрешность. И ему просто повезло, что ректор был рядом, чтобы потушить последствия.

— А зачем вообще что-то тушить? — философски протянул Нихилистрон, уставившись в стену. — Все равно в итоге все обратится в прах. Или в пепел.

— Отличная мысль, — кивнула я. — Значит, и сопротивляться моим вопросам тоже бессмысленно? Все равно отвечать придется.

Нихилистрон на секунду задумался, затем медленно повернул ко мне голову.

— В этом есть своя... нерушимая логика, — признал он.

— Вот и славно. Давайте так: что нужно вам троим, чтобы перестать... ну, быть таким вот фоном вселенской тоски? Кроме как отмены вселенной в целом.

Кассиус тяжело вздохнул.

— Гарантии. Чтобы ничего не менялось к худшему. А лучше — чтобы ничего не менялось вообще.

— Понимаю. Стабильность. А тебе, Веста?

— Признание, — выпалила она, затем смущенно поправила очки. — То есть не мое, конечно. Признание того, что любые позитивные изменения — случайность, ошибка системы или временное явление. Чтобы все знали истинную цену всему этому “прогрессу”.

— Звучит как должностная инструкция критика. А тебе, Нихилистрон?

Он медленно перевел на меня свой потухший взгляд.

— Печенье. С шоколадом. Перед тем как все обратится в прах, хочется попробовать печенье с шоколадом. В последний раз я ел его... никогда.

Я записала это в блокнот. “Печенье с шоколадом. Для Нихилистрона. Срочно!”

— Считайте, что ваши требования приняты к сведению, — сказала я, вставая. — Кассиус, вам будет предоставлена зона стабильности — кабинет, где ничего нельзя переставлять. Веста, вы получите официальный статус внутреннего ревизора и право составлять отчеты о потенциальных рисках любого нововведения. А печенье... печенье будет.

Я уже выходила из подсобки, когда меня догнал голос Нихилистрона, в котором впервые прозвучали нотки слабого, едва уловимого интереса:

— А... какао будет?

— Двойная порция, — пообещала я, не оборачиваясь.

День подходил к концу. Я шла по коридору, размышляя о шоколадном печенье, отчетах Весты и о том, как странно пахнет обгоревшая кожа на ледяном драконе.

Усталость была приятной. Дела шли. Пусть медленно, со скрипом и мелкими пожарами, но шли.

И уже почти добралась до своей комнаты, когда из ниши в стене вынырнул Искрик.

— Мисс Летти! — прошептал он таинственно, озираясь. — Там к тебе пришли.

— Ко мне? — насторожилась я, удивленно взглянув на дракончика. — Кто?

— Не знаю. Двуногие. Не наши. Один — пахнет дешевым пивом и злобой. Другая — страхом и мерзкими духами. Они спрашивали тебя у входа. Говорили... что ты им должна.

Ледяная волна, не имеющая ничего общего с магией Сайрона, прокатилась по моей спине.

Глава 13. Ледяная защита и неожиданная откровенность

Идти в комнату для приема “гостей” мне пришлось через ощущение ледяного кома в горле. Каждая ступенька скрипела сочувственно.

“Гости”. Какое лицемерное слово для тех, чей визит сулит только возвращение в болото, из которого я, казалось, уже выползла.

Я уже почти дошла до тяжелой двери в гостевой зал, когда услышала голоса. Знакомый, сиплый от дешевого самогона и вечного недовольства голос отчима.

— ...Она тут у вас на всем готовом! Практика, говорите? Значит, зарплата есть! А кто за нее все эти годы платил? Кто кормил-поил? Я! Я в нее вкладывался! А она — раз! И удрала! Так не пойдет, ваше хол... э-э-э, сиятельство! Закон есть! Она обязана!

Тихий, жалобный голос матери, похожий на писк затравленной мыши:

— Леточка... она всегда была своенравная. Но должна же понимать, мы в долгах...

Я замерла за портьерой, стиснув зубы до боли. Внутри все сжалось. Не от страха даже, а от ядовитого, знакомого до тошноты чувства стыда и бессильной ярости.

Они не побоялись прийти сюда, в эту ледяную крепость. Притащили сюда свою грязь и еще что-то требуют.

Руки сами сжались в кулаки и я сделала шаг к двери, готовая ворваться и наконец-то высказать все, что копилось годами.

И тут раздался его голос.

Тихий. Без единой эмоции. Но от него по спине побежали ледяные мурашки даже у меня.

— Вы закончили? — спросил Сайрон. В наступившей тишине его слова прозвучали как падение ледяной глыбы в глубокий колодец. — Ваши притязания лишены оснований. По законам Сознания, дееспособный совершеннолетний гражданин, каковым и является мисс Саншайн, не обязан содержать трудоспособных родителей. Обучение в академии, на которое вы, как утверждаете, “собирали медяки”, — ее личная заслуга и результат государственного финансирования. Ваши вложения, если таковые были — добровольные и безвозмездные траты. Не более.

— Да вы кто такой вообще, чтобы мне указывать?! — осмелев, видимо, от того, что его не сожгли на месте, возмутился отчим. — Я ее законный представитель! Я требую...

— Вы находитесь на территории Академии Бессознательного, — воздух даже в коридоре, где я стояла, резко похолодел. Сквозь щель в дверях потянуло запахом далекой, чистейшей и смертельной стужи — как на вершине горы, где замерзают насмерть. — Юрисдикция Сознания здесь имеет ограниченную силу. Моя сила — нет. Мисс Саншайн находится под моей защитой как практикантка и временный сотрудник. Если ваше присутствие или любые попытки контакта с ней будут мной расценены как угроза ее психологическому состоянию или работоспособности, — он сделал крошечную паузу, — то вы очень скоро познакомитесь с понятием “заблудиться в глубинах Бессознательного” на личном, крайне неприятном опыте. Вам это не понравится. Поверьте.

— Но... — предпринял последнюю попытку отчим, но Сайрон перебил его:

— Аудиенция окончена, — произнес он ровно. — Выход там.

Больше я не слышала ни слова. Только приглушенное, испуганное хныканье матери и тяжелые, поспешные шаги. Дверь захлопнулась.

Я стояла, вжавшись в стену, пытаюсь перевести дух. Ярость и унижение кипели во мне, но поверх них накатывала странная, почти нереальная волна облегчения.

Кто-то встал на мою сторону. Не просто встал — снес всю проблему одним ледяным взмахом.

Дверь из зала открылась, и вышел Сайрон. Он увидел меня сразу. Его лицо было все тем же непроницаемым ледяным маскарадом, но в глазах, когда они на мгновение встретились с моими, мелькнуло понимание? Раздражение? Я не разобрала.

Он сделал шаг ко мне и прежде чем я успела что-то вымолвить, его рука легла мне на талию — не холодной хваткой, как тогда, в коридоре академии, а скорее... направляющим жестом.

— Все закончилось, — сказал он мягко. — Идем.

— Куда? — по инерции спросила я.

— На кухню, — тихо ответил он. — У меня сегодня аллергия на голодных и нервных практиканток.

На его личной кухне пахло согревающими травами, печеными яблоками и... безопасностью.

Тот самый, камин, у которого мы сидели с Искриком, горел, освещая уже не голый каменный пол, а небольшой, но крепкий кожаный диван с лежащим на нем мягким одеялом из темной шерсти. А перед диваном стоял небольшой кофейный столик.

— Присаживайся, — бросил Сайрон, направляясь к шкафу с печеньками. — Сидеть на полу — дурной тон даже для Бессознательного.

Я молча опустилась на диван. Он оказался невероятно удобным. Сайрон поставил передо мной тарелку с печеньками и две кружки: одну с травяным чаем для меня, другую — с чем-то темным и терпким для себя.

Снял свою неизменную кожаную куртку, оставшись в одной рубашке, засучил рукава, как тогда на кухне и устроился напротив, откинув голову на спинку.

— Спасибо, — тихо произнесла я, сжимая теплую кружку в ладонях.

— Не за что, — кивнул он с легкой усталостью в голосе. — Неприятные типы. Таких страхи в Бессознательном гложут особенные. Мелкие, липкие, как плесень.

Я вздохнула и отломил кусочек печенья.

— Он... он и правда может попытаться что-то сделать, — с несвойственной мне тревогой, сказала я. — В Сознании. Подаст жалобу...

— И ему бы объяснят, что его права заканчиваются там, где начинается моя юрисдикция, — спокойно и даже почти ласково объяснил Мортигор. — А здесь она абсолютна. Ты в безопасности, Саншайн. Забудь про них.

Но почему-то его слова наоборот прорвали во мне плотину откровенности.

— Он не мой отец, — не понимая, зачем это говорю, сказала я. — Я не знаю, кто мой отец. Мать вышла за этого экземпляра, когда мне было пять. Он считал, что я — обуза, которая должна окупать свое содержание. Сначала — работой по дому и в кабаке. Потом... другими способами. Академия была моим билетом на свободу. Я вырвалась. Думала, навсегда.

Сайрон молча слушал, его пальцы медленно водили по краю чашки.

— Простите... — потупившись в кружку, произнесла я. — Я не должна была грузить вас всем этим...

— То место, где ты родилась, — сказал он наконец, чуть наклонившись ко мне, — идеально, чтобы вырастить либо жертву, либо беглеца. Ты нашла в себе силы, чтобы сбежать, а это уже достойно уважения.

Не ожидая услышать такие слова от него, я резко подняла на него глаза и встретила с тем Сайроном, которого я еще не видела. Он был теплым и участливым и смотрел на меня взглядом, полным понимания и поддержки.

— А вы? — спросила я, внезапно осмелев. — Как так получилось, что вы оказались... здесь?

— О, очень просто, — он усмехнулся, но в этот раз усмешка была не язвительной, а горькой. — Нужно быть молодым, дерзким драконом из старинного, но никому не нужного ледяного рода. Слишком сильным для обычной службы, слишком холодным и саркастичным для придворной карьеры. Обладать неприятным талантом видеть суть вещей и еще более неприятной привычкой эту суть высказывать. Иметь неосторожность на одном скучнейшем приеме заметить Верховному Дракону, что его новая политика “гармонии сознаний” напоминает попытку нарядить болотного тролля в кружева и представить его на балу.

Я прыснула от смеха, представив эту картину.

— И что? Вас сослали сюда за это?

— “Назначили на ответственную должность”, — процитировал он с ледяной иронией. — На самом деле, отправили меня сюда, потому что Верховный не смог мне простить арест своего сыночка. Но об этом, конечно же, не принято говорить вслух. Это было сто лет назад. С тех пор я здесь. Консервирую страхи, систематизирую кошмары и пытаюсь придумать, какого черта тут можно преподавать.

В его голосе не было жалости к себе. Была лишь привычная, вьевавшаяся в кости усталость. Я вдруг с болезненной ясностью поняла, что он тоже в ловушке. Просто его клетка больше и намного холоднее.

А еще мне было трудно представить, какой силой и властью он обладает, если арестовал сына самого Верховного.

— Вы справляетесь, — тихо сказала я, попытавшись поддержать его в ответ.

— Я замораживал проблемы, а не решал их. До тебя, — он посмотрел на меня и в его синих глазах было какое-то всепоглощающее тепло и признание. — Ты первая, кто попытался не заморозить, а... согреть. Это невыносимо. И чертовски интересно.

Тепло от камина, сытость, усталость после эмоциональной бури и странное, необъяснимое чувство безопасности начали делать свое дело.

Голос Сайрона, тихий и ровный, становился постепенно таким... убаюкивающим. Я слушала, как он что-то говорит про архивные отчеты Верховного, но слова начали терять смысл, сливаясь в приятный, низкий гул.

Мои веки стали невыносимо тяжелыми. Я попыталась сделать глоток чая, но кружка показалась внезапно очень тяжелой. Диван был таким мягким, одеяло — таким теплым, а звук потрескивающих поленьев...

Последнее, что я осознала, — это то, что голова сама собой опустилась на мягкую кожаную спинку дивана. Где-то вдалеке, будто из другого измерения, донесся его голос, в котором впервые за весь вечер прозвучала едва уловимая, почти неузнаваемая нотка... мягкости?

— ...Спи, Саншайн. На сегодня достаточно.

И я провалилась в сон...

Глава 14. Ночная вахта, утренний конфуз и то, чего не должно было быть

Они ушли, эти два отвратительных человеческих подobia, оставив после себя запах дешевого алкоголя, алчности и той самой мелкой, липкой плесени, что пожирает души.

Моя ярость была холодной и тихой, как лед на глубине. Вышвырнуть их было легко. Сложнее было унять волну абсолютно иррационального желания отправиться вслед и навечно замуровать их в какой-нибудь ледник, где они могли бы служить наглядным пособием по теме “Основы человеческой глупости”.

Но я остался. Потому что она стояла в коридоре, бледная, с кулаками, сжатыми так, что костяшки побелели, и глазами, в которых кипела знакомая смесь гнева, стыда и отчаяния.

Та самая смесь, что когда-то заставила ее огрызнуться на меня, а теперь почему-то заставляла сердце остро сжиматься у меня под ребрами. Идиотский рефлекс.

“Защитить, утешить в свою пещеру, успокоить, накормить”, — сработал какой-то примитивный, драконий алгоритм, который я считал давно атрофированным.

Чай, печенки, диван... ее тихая исповедь, вырвавшаяся наружу.

И вот наступила самая абсурдная часть вечера. Она говорила, говорила, а потом ее слова начали замедляться, путаться. Глаза стали стекленеть, тяжелеющие веки опускались все ниже.

Я что-то бубнил в ответ про Верховного и его политику, просто чтобы заполнить тишину, а сам наблюдал, как ее борьба со сном становится все более комичной и тщетной.

А затем... затем ее голова, как перезрелый плод, упала мне на плечо.

Я замер. Хотя все внутри меня немедленно запротестовало:

“Великолепно, Мортигор! — возмущенно фыркнул я про себя. — Просто великолепно. Ты, Хозяин Ледяных Глубин, теперь еще и живая подушка для переутомившихся практиканток. Каков карьерный рост”.

Она устроилась поудобнее с тихим мычанием, ее дыхание стало глубоким и ровным, теплым ветерком касаясь моей шеи сквозь тонкую ткань рубашки.

Это ощущение было... невыносимым. И чертовски приятным. Противоречие, от которого хотелось зарычать.

“Аккуратно положи ее на диван, — попытлся уговорить я себя. — Укрой. И проваливай отсюда, пока эта солнечная зараза не разъела тебе остатки разума”.

Я даже честно попробовал так сделать. С величайшей осторожностью, будто деактивировал древний артефакт, я медленно вытащил из-под нее плед и укутал ее.

Она что-то пробормотала во сне и прижалась щекой к моему плечу еще сильнее. Мой план “аккуратно положить” потерпел крах.

“Ладно, — смирился внутренний голос, полный сарказма. — Пять минут. Просто дай ей погрузиться в глубокий сон, а потом иди”.

Я сидел неподвижно, слушая, как трещат поленья в камине, как тикают старинные часы где-то в глубине башни, как она дышит.

Ее дыхание было живым, навязчивым метрономом в моей вечной тишине. Мышцы начали затекать, но я боялся пошевелиться. Боялся потревожить это хрупкое, нелепое и почему-то бесконечно ценное спокойствие на своем плече.

“Что с тобой происходит? — допрашивал я сам себя. — Она просто человек. Яркий, шумный, нахальный, со сложным прошлым, которое ты, кстати, взял на себя ответственность исправить. Ничего более”.

Но это была ложь. И мы оба это знали. Она была не “просто” кем-либо. Она была солнечным светом в моей полярной ночи. Неприятным, ослепляющим, сбивающим с курса. И я уже не мог, да и не хотел, искать тень.

Мысль о том, чтобы отпустить ее спустя месяц, о выполнении этой дурацкой сделки, вдруг стала казаться не просто невыгодной, а невозможной. Абсурдной. Как если бы я решил добровольно выключить солнце.

Именно с этой крамольной мыслью я, сам того не заметив, и уснул.

Проснулся я от легкого движения. Сознание вернулось мгновенно, как всегда. Я был в той же позе, скованный и затекший, а ее голова все так же покоилась на моем плече. Но теперь она не спала. Я чувствовал, как ее тело напряглось, как дыхание стало прерывистым.

Она медленно, очень медленно, подняла голову. Я притворился спящим, наблюдая за реакцией Летти сквозь полуприкрытые ресницы.

Растрепанная, с покрасневшей полоской на щеке от шва моей рубашки. Она выглядела потрясающе глупо и очаровательно.

Ее широко раскрытые глаза, в которых бушевал ураган паники, смущения и попыток собрать в кучу рассыпавшиеся воспоминания, сверлили меня молчаливым непониманием.

Затем она осторожно, как вор, начала отодвигаться, стараясь не скрипнуть кожей дивана. Это было так трогательно нелепо, что я не выдержал.

— Успокойся, Саншайн, — произнес я, не открывая глаз, хриплым от сна голосом. — Я не съем тебя за то, что ты использовала меня в качестве подушки. Хотя идея и заманчива.

Она вздрогнула и отпрянула, наконец освободив мое онемевшее плечо.

— Что... что здесь? — выдавила она, хватаясь за голову. — Вы...? Мы...?

— Произошло страшное, — я наконец открыл глаза и повернул к ней голову, чувствуя, как мышцы шеи негодуют. — Ты уснула после сентиментальной исповеди, а я, в силу врожденной вежливости, не стал тебя будить. В итоге провел ночь в роли подставки. Моя спина высказывает тебе отдельное, категорическое и бесповоротное “фи”!

Ее щеки пылали от смущения. Она смотрела то на меня, то на плед, то на пустую кружку.

— Мне очень жаль, — пробормотало солнечное недоразумение. — Я не хотела... я просто так устала...

— Очевидно, — я сделал вид, что разогнулся с трудом, кости похрустывали с мелодичным протестом, но забавнее всего было наблюдать за ее реакцией. — После эмоционального визита родственничков и последовавшей драмы — это предсказуемо. Не извиняйся. Просто в следующий раз предупреждай, что собираешься использовать меня вместо кровати. Я лучше подготовлюсь.

Она фыркнула, и это прозвучало облегченно. Смущение начало отступать, уступая место привычной дерзости.

— А вы что, не могли просто встать и уйти? — Летиция подняла на меня глаза и в них снова заблестел тот самый огонек.

Вопрос был прямым попаданием в самую точку. Я посмотрел на нее, на ее растрепанные волосы, на след от шва на щеке, на все это нелепое, живое совершенство и внутри что-то окончательно капитулировало.

“Нет, — пронеслось у меня в голове с кристальной, раздражающей ясностью. — Не мог. И не хотел. Все. Конец дискуссии!”

— И рискнуть тем, что ты, спросонья, упадешь с дивана и разобьешь свою драгоценную, полную оптимизма голову? — парировал я вслух, поднимаясь и потягиваясь. — Увольте.

Отчетов о несчастных случаях я и так заполняю выше крыши. А твоя кончина от падения с полуметровой высоты стала бы анекдотичным финалом моей и без того пестрой карьеры.

Она тоже встала, поправляя помятую форму.

— Так вы остались из соображений бюрократии? — спросила Летти с мягкой, понимающей насмешкой в голосе.

Я остановился и посмотрел на нее. Утренний свет из узкого окна падал прямо на ее золотистые волосы и не смотря на тусклость освещения они все равно умудрялись переливаться.

— Нет, Саншайн, — сказал я и мои слова прозвучали тише и серьезнее, чем я планировал. — Я остался потому, что ты уснула. И это выглядело... хрупко. А хрупкие вещи в этих стенах имеют привычку ломаться. Я просто решил понаблюдать за экспериментом: “Влияние присутствия ледяного дракона на качество сна практикантки”. Результаты, — я сделал паузу и тяжело вздохнул, понимая, что доэкспериментировался, — оказались крайне противоречивыми для испытуемого дракона.

Она не ответила. Просто смотрела на меня и этот взгляд был лишен обычной язвительности или вызова. Он был... теплым. И понимающим. Как будто она видела все мои глупые внутренние битвы и уже вынесла им вердикт.

“Бесполезно, — констатировал внутренний голос с окончательной усталостью. — Сопровивляться — все равно что пытаться заморозить восход. Ты только потратишь силы и получишь красивый иней, который растает при первом же ее взгляде”.

— Ладно, — она вздохнула, разрывая этот затянувшийся момент. — Мне надо... проверить, не поджег ли Искрик что-нибудь за ночь. И заказать продукты для измененного меню и для печенья с шоколадом для Нихилистрона.

— Разумно, — кивнул я, отворачиваясь и делая вид, что меня ждут сверхважные дела на столе, а про себя подумал:

“А мне нужно принять душ!”

Летиция вышла, оставив дверь приоткрытой. Я долго стоял, слушая, как ее шаги затихают в коридоре, чувствуя на плече призрачное тепло ее щеки и понимая, что точка невозврата осталась где-то далеко позади. Еще вчера вечером. Может, даже раньше.

Стоя в душевой, под струями ледяной воды, которая обычно приводила мысли в порядок, я пытался вернуть себе хоть крупицу прежнего холодного равновесия. Все было напрасно. Образ ее спящего лица, доверчиво прижавшегося ко мне, вытеснял все.

Я вытерся и подошел к большому, почти в полстены, зеркалу из черного обсидиана, чтобы побриться. И замер.

На моей груди, справа, над сердцем, там, где обычно были лишь сложные, серебристо-синие магические узоры, сдерживающие мою истинную форму, теперь раскинулась татуировка. Ее витиеватые узоры были выполнены золотым и темно-синим цветами.

Ледяной дракон, мой истинный облик, замер в изящном, мощном изгибе.

Его обвивали, оплетали, пронизывали лучи солнца. Они не причиняли ему боль, нет. Они сплетались с чешуей, с когтями, создавая новый, невероятно сложный и живой узор.

Солнечные лучи обвивали его шею, подобно ожерелью, охватывали крылья, будто поддерживая их, а один особенно яркий луч тянулся прямо к сердцу.

Это была татуировка Истинности. Та, что проявляется сама, когда дракон находит того, кто меняет саму его суть. Ее нельзя подделать, нельзя нанести по желанию. Она проявляется, как откровение.

Я уставился на свое отражение.

“Вот и все, — подумал я с плоским, едким сарказмом, адресованным самому себе. — Поздравляю, Мортигор. Ты не просто позволил солнечному зайчику всколыхнуть свою вечную мерзлоту. Ты впустил его так глубоко, что он теперь красуется у тебя на груди в виде перманентного украшения. Истинность. Просто великолепно. Теперь ты — ходячий оксюморон. Ледяной дракон с солнечным лучом в сердце”.

Глава

Глава 15. Коварные вопросы и неожиданное назначение

Это утро принесло еще одно неожиданное событие в мою и без того нескучную в последнее время жизнь.

“Это же надо было уснуть на плече своего начальника?” — возмущался внутри моей головы тот самый вредный голос, который отвечал за хорошенькость и правильность поведения.

Эта часть меня, которая знала этический кодекс психолога наизусть, негодовала, ругалась, а еще сгорала от стыда.

Картинки, достойные учебника по профессиональной деформации: “Практикантка и ректор: как НЕ надо выстраивать субординацию. Глава 1: Использование начальника в качестве ортопедической подушки”, ярким хороводом метались в голове и укоризненно грозили несуществующим пальцем.

Но другая часть — та, что, возможно, впервые за всю жизнь испытала всепоглощающее чувство безопасности, — тихо и нагло возражала:

“А что такого? Ты уснула и не отдавала отчет своим действиям. А он взрослый и мог принять решение уйти! Мог? Мог! Но не ушел. Значит...”

Черт знает, что это все значит, но внутренне хотелось сказать ему за это спасибо. За то, что не оттолкнул, не ушел и в прямом смысле подставил плечо, когда я так остро нуждалась в поддержке.

Я шла по коридору, чувствуя себя так, будто на мне висел невидимый плакат: “Она спала на плече ректора”.

Каждое “Угрюмого утра, мисс Летти!” от попадавшихся мне навстречу обитателей замка, я воспринимала как скрытый упрек.

Раньше я редко переживала о том, а что обо мне подумают другие, возможно, потому что никогда раньше не попадала в такие ситуации.

“Хватит себя накручивать, Летти! Соберись! Ничего катастрофического не произошло!” — пыталась я убедить саму себя, быстро переодевшись в свежее и направляясь в столовую, где меня, судя по всему, ждали новые испытания.

Первым на моем пути встал, конечно же, лорд Перфектус. Он перегородил мне дорогу в главном зале, осматривая мой новый темно-синий наряд с выражением человека, обнаружившего на дорогом персидском ковре пятно.

— Мисс Саншайн, — начал он и каждый слог звучал как удар хлыстом по самооценке. — Я вынужден констатировать, что ваши... реформы... приносят в нашу обитель некоторый... хаос. Вчерашний завтрак, безусловно, был съедобен. Но атмосфера! Все эти... причмокивания, довольные вздохи, этот запах корицы... Это вульгарно. Это лишено изящества. Напоминает трапезу в каком-нибудь деревенском кабаке.

Я посмотрела на его безупречный костюм, на идеально уложенные волосы.

“Ага, — подумала я. — Проблема не в каше, а в том, что люди ели ее с аппетитом, а не с траурным видом, как подобает на поминках по своему величию”.

— Понимаю вашу озабоченность, лорд Перфектус, — сказала я, делая заметку в блокноте:

“Для П. — отдельная сервировка, возможно, одноразовые перчатки и платочек для грусти”.

— Но, видите ли, сытый преподаватель — это более эффективный преподаватель. А эффективность, как я понимаю, ценится даже в самых утонченных кругах. Может, попро-

буем ввести “аристократические четверги”? С меню, одобренным лично вами? И обязательным дресс-кодом?

Он задумался, слегка поводя кончиком своего изящного носа.

— Гм... Это... звучит не лишенным смысла. Я мог бы составить список допустимых блюд и напитков. И проследить за эстетикой подачи.

— Вот и прекрасно! — воскликнула я. — Я как раз хотела попросить вас возглавить комитет по... э-э-э... кулинарно-этическому надзору. Ваш безупречный вкус нам жизненно необходим.

Перфектус выпрямился и в его глазах вспыхнул огонек, который я раньше не видела — интерес, смешанный с возможностью что-то контролировать.

— Ну, если вы настаиваете... Я просмотрю текущее меню и составлю рекомендации. Нельзя допустить, чтобы наш уровень опускался до... общепитовского.

— Великолепно! — воскликнула я радостно. — И я бы предложила вам обсудить с коллегами варианты остального меню, вдруг у кого-то будут еще какие-нибудь пожелания. Но основной контроль, конечно же, за вами.

Перфектус посмотрел на меня с легким прищуром, а затем слегка улыбнувшись, отправился терроризировать коллег.

“Одним нарциссом меньше, — мысленно поставила галочку я. — Теперь нужно найти того, кто боится собственной тени. Или, в его случае, любой тени”.

Фобиуса Вермиллиона я нашла там, где и предполагала — в самом темном углу общей библиотеки, за баррикадой из книг. Он что-то нервно шептал, разглядывая собственную ладонь при свете магического кристалла.

— Господин Вермиллион? — осторожно позвала я.

Он вздрогнул так, что кристалл выпал у него из рук и покатился по полу, оставляя за собой светящуюся дорожку.

— Тихо! — зашипел он, озираясь. — Вы его разбудите!

— Кого? — искренне не поняла я.

— Новый ужас! — прошептал он, указывая пальцем на... на вазон с папоротником, который я поставила тут вчера в рамках “озеленения тоски”. — Он... он дышит! И смотрит! Я видел, как его лист пошевелился, когда я проходил мимо! Это явно слежка! Возможно, заговор с целью узнать мои самые сокровенные страхи о неправильно завязанном галстуке!

Я посмотрела на безобидный папоротник, который мирно стоял в углу, очищая воздух и ни о чем не подозревал.

“Господи, да я сама скоро начну бояться, что мои растения за мной шпионят”, — подумала я.

— Господин Вермиллион, это папоротник, — максимально спокойно объяснила я. — Он не дышит в том смысле, в каком дышим мы. Он... фотосинтезирует. А лист пошевелился, потому что здесь, наконец, появилась небольшая циркуляция воздуха после того, как я открыла вот это окно.

Я указала на узкую щель в витраже, которую с трудом, но отворила вчера утром.

Он с опаской посмотрел на окно, потом на папоротник.

— Окно... — произнес он с ужасом. — А что, если через него залетит... что-нибудь? Непредсказуемое? С неопределенными намерениями?

— Тогда мы его поприветствуем и предложим чаю, — невозмутимо ответила я. — Но чтобы вы чувствовали себя в безопасности, давайте заключим сделку. Я привяжу к папоротнику вот эту ленточку, — я оторвала полоску от своего блокнота. — Если он сдвинется с места, ленточка порвется. Вы будете первым, кто узнает о его коварных планах. А окно мы будем открывать только на час в день, под вашим личным наблюдением. Договорились?

Фобиус долго смотрел на меня, потом на ленточку, потом снова на меня. Наконец, кивнул.

— Логично, — прошептал он. — Но наблюдение будет круглосуточным. Я заведу журнал.

“Еще одна победа, достигнутая с помощью абсурда, — констатировала я про себя, отходя. — Осталось найти леди, которая может в любой момент забыть, где она находится”.

Анексу Стрендж я обнаружила... нигде. Вернее, она физически стояла посреди коридора, недалеко от своего кабинета, но выражение ее лица было настолько отстраненным, что казалось, она разглядывает сквозь стены иные миры.

— Леди Стрендж? — осторожно позвала я, стараясь попасть в ее поле зрения.

Она медленно повернула ко мне голову. Ее глаза были пустыми, как окна заброшенного дома.

— Здесь слишком... красно, — произнесла она без интонации.

Я огляделась. Коридор был серым с легкими отблесками фиолетового, как и всегда.

— Красно? — переспросила я.

— В воздухе. От... перемен. Они яркие. Громкие. Мешают плыть, — она сделала рукой плавное движение.

“Понятно. Мои реформы для нее — это раздражающий шум, мешающий диссоциировать в привычном комфорте”, — сообразила я.

— А если мы сделаем для вас... тихую гавань? — предложила я. — Комнату, где ничего не будет меняться. Где всегда будет полумрак, тишина и... ну, не знаю, аквариум с медленными рыбками? Чтобы было на что смотреть, когда хочется уплыть?

В ее пустых глазах что-то дрогнуло.

— Аквариум... — повторила она задумчиво. — Без ярких рыбок. Серая галька. Одна улитка.

— Одну улитку и серую гальку обеспечу, — пообещала я. — И табличку на дверь: “Тихая гавань. Вход только для леди Стрендж”.

Она медленно кивнула и снова уставилась в стену, но теперь, кажется, с чуть меньшим напряжением.

Я уже собиралась отправиться дальше, когда меня нагнал Искрик, который таинственно прошипел:

— Летти! Он зовет тебя! В кабинет! Выглядит... ну, как обычно. Только, по-моему, у него рубашка серая.

“Серая рубашка? Где, интересно он ее взял?” — с иронией подумала я, направляясь к ледяной башне.

Сайрон стоял у окна в своем кабинете, глядя на клубящийся туман. Когда я вошла, он обернулся и его взгляд скользнул по мне с привычной холодной оценкой.

— Садись, Саншайн, — сказал он, указывая на стул перед столом. — Мне нужно с тобой поговорить.

“Вот и началось, — пронеслось у меня в голове. — Сейчас будет разговор о профессиональных границах и недопустимости использования начальника в качестве подставки под голову”.

— Мне придется отлучиться на несколько дней, — произнес он без предисловий. — Верховный созвал срочный совет. По делам, о которых ты, к счастью для своего душевного спокойствия, ничего не знаешь.

Я замерла. Он уезжает?

— Так как других более-менее разумных существ здесь не наблюдается, — продолжил он и в его голосе прозвучала та самая, не оставляющая сомнений уверенность, — в мое отсутствие, ты будешь исполняющей обязанности ректора. Формально. Я буду на связи, но все оперативное управление — на тебе.

В ушах зазвенело. Я представила себе Громобоя с молотком, Моргану с новым траурным циклом лекций и Фобиуса, требующего эвакуации из-за мутировавшего папоротника.

— Вы... вы уверены? — выдавила я. — Я имею в виду, господин Мортигор...

— Сайрон, — мягко, но уверенно перебил он.

— Что? — не поняла я.

— После всего, что между нами было, — произнес он и в его ледяных глазах вспыхнула опасная, игривая искорка, — ты можешь звать меня просто по имени.

Мой мозг на секунду завис.

“После всего, что между нами было?”

Что это значит? Неужели он считает, что совместное приготовление каши и один (всего один!) неловкий сон на плече дают право на панибратство? Хотя... стоп.

— А что между нами было? — с еще большим недоумением спросила я.

Он наклонился через стол, ухмыльнувшись той самой, коварной, чуть кривой улыбкой.

— А ты не помнишь? — лукаво взглянув мне в глаза, невинным голосом спросил Сайрон.

И тут я почувствовала, как почва уходит у меня из-под ног. Не в переносном, а почти в прямом смысле. Потому что мой мозг, тот самый, который досконально знал кодекс психолога, вдруг отключился, оставив на проигрыше одну-единственную, паническую мысль:

“ЧТО МЕЖДУ НАМИ БЫЛО?”

Он выпрямился и улыбка сменилась привычной деловой сдержанностью, но в уголках его глаз все еще играл тот самый, дразнящий огонек.

— В общем, я очень надеюсь, что по возвращении не обнаружу здесь филиала праздника солнцестояния, — сказал он, словно и не было только что этого странного обмена репликами.

— Необходимые документы вот в этой папке. Не поджигай академию. Или поджигай, но так, чтобы это можно было потом красиво объяснить в отчете. Удачи, Саншайн.

С этими словами, он щелкнул пальцами и исчез, а я осталась стоять посреди его кабинета с папкой в обнимку и миллионом вопросов, на которые у меня не было ответов.

Глава 16. Пять точек опоры или вон до чего доводит тимбилдинг

Итак, я стала исполняющей обязанности ректора Академии Бессознательного. Эта мысль вызывала у меня желание то ли хохотать до истерики, то ли найти самый глубокий подвал и зарыться там, прикинувшись пылью веков.

Папка с документами лежала на моем столе (вернее, на столе Сайрона, который теперь временно был и моим) и своим внушительным видом намекала, что теперь я отвечаю за все.

За папоротников-шпионов, за дракона с комплексом бога, за призрака, ищущего игрушку и за пиромана-подростка, который в любой момент мог решить, что кабинет ректора нуждается в “термическом обновлении”.

“Спокойно, Летти, — уговаривала я себя, глядя в потолок. — Ты справились с матерью и отчимом. Справились с экзаменами по патофизиологии. Справились с драконом, который притащил тебя сюда против твоей воли (ну, почти). Что тебе два десятка эксцентричных, но в целом безобидных...”

Мой внутренний голос запнулся, вспомнив каждого из них по очереди.

“...ладно, не совсем безобидных личностей. Но ты психолог! Ты должна уметь находить подход!”

Именно с этой мыслью я собрала весь педсостав в главном зале. Все двадцать человек (и не совсем человек) стояли, сидели и парили передо мной, выражая спектр эмоций от скуки до паники.

— Коллеги! — начала я, пытаюсь звучать уверенно. — Пока наш ректор в отъезде, у нас есть уникальная возможность... э-э-э... подготовить почву для будущих студентов! Для этого нам нужно понять, кто чему может научить и как мы можем оптимизировать нашу работу.

Лорд Перфектус фыркнул.

— Я могу научить изяществу, утонченности и искусству быть безупречным. Все остальное — пустая трата времени.

— А я могу научить правильно бояться! — выпалил Фобиус, тут же спрятавшись за спину Громобоя. — Существует иерархия страхов, и...

— А Я МОГУ НАУЧИТЬ ГРОМКО ТРЕБОВАТЬ СВОЕ! — прогремел Громобой, перебивая его.

Поднялся шум. Каждый пытался выкрикнуть свое предложение, чаще всего — совершенно безумное.

Кто-то предлагал курс по “созерцанию вечной пустоты”, кто-то — мастер-класс по “тихому стенанию в углу”. Нихилистрон просто стоял и бормотал, что любые начинания бессмысленны.

— Тишина! — наконец крикнула я, хлопнув ладонью по пюпитру (который, к счастью, не рассыпался от этого). — Я вижу, энтузиазма у вас много. Но чтобы реализовать хоть что-то, вам нужно стать командой. Дружной, сплоченной.

— Командой? — брезгливо повторил Перфектус. — Вы предлагаете нам... брататься?

— Не обязательно брататься. Достаточно — научиться работать вместе. И для этого у меня есть небольшое упражнение.

Я указала на два противоположных конца зала, где я заранее мелом нарисовала две огромные буквы: “А” и “Б”.

— Ваша задача — всей командой, всеми двадцатью участниками, добраться из точки А в точку Б. Правила просты: магию использовать нельзя. Самоустраниться нельзя. И... — я сделала драматическую паузу, — у всей вашей команды на всех — всего ПЯТЬ точек опоры.

В зале воцарилось ошеломленное молчание.

— Пять? — переспросила Моргана, роняя одного из котов. — Но нас двадцать! У каждого минимум две ноги! Это сорок точек!

— Именно, — кивнула я. — Поэтому вам придется проявить творчество, смекалку и фантазию. Одна стопа или ладонь, касающаяся пола — это одна точка. Ваша цель — переместиться, сохраняя контакт с полом только в пяти местах.

Сначала они просто стояли и тупо смотрели друг на друга. Потом Громобой, не долго думая, схватил ближайших соседей — Фобиуса и мисс Тик-Так — и попытался подпрыгнуть на одной ноге, удерживая их.

Получилась какая-то конвульсивная, кричащая гроздь, которая рухнула через две секунды, увлекая за собой еще трех человек.

— Не-е-ет! — завопил Фобиус, вылезая из-под груды тел. — Это ловушка! Они хотят меня раздавить!

Попытка номер два: они решили образовать “паровозик”, где каждый стоит на одной ноге, а руки кладет на плечи впереди стоящему. Получилось шаткое, хромающее сооружение, которое развалилось ровно в тот момент, когда лорд Перфектус отказался прикоснуться к потной рубашке Громобоя.

— Это унижительно! — возмутился он. — И антисанитарно!

— А ты думаешь, мне приятно? — огрызнулся гном. — Твои волосы лезут мне в нос!

Они начали ссориться. Сначала тихо, потом все громче. Обвиняли друг друга в неуклюжести, в недостатке командного духа, в том, что у кого-то слишком холодные руки, а у кого-то — слишком горячие лапы (это был оборотень Кловен, который слишком сильно нервничал и от этого нагревался изнутри).

Потом, как я и предсказывала, вся их ярость дружно обратилась на меня.

— Это бессмысленное издевательство! — заявил Кассиус.

— Как тебе в голову вообще пришла такая идиотская идея? — поддержала Веста.

— Наверное, это новый метод пытки, — мрачно заключил Нихилистрон. — Довести нас до белого каления, а потом наблюдать.

Я терпеливо ждала, пока шум утихнет.

— Все закончили? — спокойно спросила я. — Тогда возвращаемся на точку А и начинаем заново. И так до тех пор, пока не получится.

В их глазах читалось неподдельное страдание. Но они поплелись обратно.

И снова — хаос, крики, падения. Но что-то начало меняться. Злость потихоньку выдыхалась, уступая место усталости и... задумчивости.

И тут тихий, обычно неразговорчивый вампир Аларик, все это время молча наблюдавший со стороны, неуверенно поднял руку.

— Э-э... простите за беспокойство... — прошептал он. — Но я, кажется, понял. Если... если кто-то один ляжет на пол, то это будет одна точка опоры. Верно?

Все уставились на него.

— Ну... да, — подтвердила я.

— Тогда... если лягут пятеро... бок о бок... это будет пять точек. Остальные... могут лечь сверху. И потом... мы все вместе можем перекатываться. Как бревно. Или как... большой ковер-самолет. Без полета.

В зале повисла тишина. Потом раздался возмущенный голос Перфектуса:

— Вы предлагаете МНЕ ВАЛЯТЬСЯ НА ПОЛУ? В ПЫЛИ? СО ВСЕМИ ЭТИМИ...?

— Это единственный логичный вариант, — неожиданно поддержал его Фобиус, одержимый уже не страхом, а азартом решения задачи. — Вертикальные конструкции нестабильны. Горизонтальная — более устойчива.

— Это же будет смешно! — вдруг хихикнула Моргана. — Представьте, мы все, как сардины в бочке...

Постепенно, через ворчание и брезгливые вздохи, идея начала находить поддержку. Аларика, предложившего ее, вдруг все стали слушать с неожиданным для него уважением.

— Ладно! — наконец рявкнул Громобой. — **ДАВАЙТЕ ПОПРОБУЕМ! НО ЕСЛИ КТО-ТО ВОТКНЕТ МНЕ В РЕБРО ЛОКОТЬ, Я БУДУ ОЧЕНЬ ГРОМКО РУГАТЬСЯ!**

Первыми, к всеобщему удивлению, легли на пол именно самые брезгливые: Перфектус (предварительно сняв плащ и аккуратно его сложив), Фобиус, Анекса (которая, кажется, даже не поняла, что происходит, но легла, потому что все легли), Аларик и Громобой. Пять точек опоры готовы.

Потом началось самое сложное и самое смешное. Остальные пятнадцать участников должны были аккуратно улечься сверху. Это превратилось в гигантскую, мягкую, ругающуюся скульптуру.

— Морти, — сменив брезгливую интонацию на язвительную, сказал Перфектус. — Сними котов, у них задачи добраться в точку Б.

Моргана слегка покраснела?, но послушно сняла котов и легла сверху на дракона.

— **ПОДОЖДИТЕ!** — воскликнул Громобой. — **ПРЕДЛАГАЮ АНЕКСЕ ПОМЕНИТЬСЯ С БРУТОМ.**

— А Лайма и Фина, — подал уже более уверенный голос Аларик. — Могут лечь самыми последними, потому что самые легкие.

— В этом есть смысл, — согласился Перфектус. — Давайте, пробовать!

— Вы уверены, что нужно делать это сейчас? — страдальчески спросила эльфийка с синдромом отложенной жизни.

— Прекрасная Лаймариэль, — пробасил оборотень Кловен. — Если мы подождем еще чуть-чуть, то у нас всех случится паническая атака. Поэтому, сейчас или никогда! Запрыгивай!

И вдруг... посреди этой кучи-малы раздался смех. Сначала один тихий хихик, потом другой. Потом Громобой громко захохотал, чувствуя, как его щекочут перья из шляпки лежащей на нем драконихи леди Эхо.

Даже Перфектус, придавленный весом пяти человек, издал что-то похожее на сдавленный смешок.

— Ничего себе групповое объятие! — крикнул кто-то сверху.

— За такое на завтраке нам обязаны выдавать бутерброды с двойной порцией варенья! — поддержал другой.

— И чтобы без корицы! — внезапно подал свой голос Аларик, выглядывая из-под чьего-то локтя. — Я ее не люблю!

Они начали координироваться. Кричали “поехали!” и дружно, с жутким скрипом и стоном, делали первый пережат в сторону точки “Б”.

Потом второй. Это было нелепо, медленно и до смешного неэффективно. Но они делали это **ВМЕСТЕ**. Они подбадривали друг друга, предупреждали, если кто-то съезжал, и даже — о боже! — шутили.

Я наблюдала за этим и сердце у меня странно сжималось. Не только от умиления, а от чего-то большего.

Они, эти вечно недовольные, напуганные, заикленные на себе существа, сейчас были... командой. Неуклюжей, абсурдной, но командой.

И вот, после долгих мучений, их гигантская живая конструкция всей своей массой накрыла букву “Б”.

На секунду воцарилась тишина. Потом раздался дружный, победный рев (и визг, и шипение). Они начали выбираться из кучи, хлопать друг друга по спинам (или по крыльям), смеяться и поздравлять.

— Мы сделали это!

— Видели, как мы ловко перекатились?

— Это было нелегко, но мы справились!

— Молодец, Аларик, гениальная идея!

Они сияли. Даже Нихилистрон выглядел слегка озадаченным, но не совсем несчастным.

Я стояла и улыбалась, чувствуя себя странно гордой, как мама, чей ребенок впервые сам завязал шнурки. Криво, но завязал.

Именно в этот момент, когда атмосфера в зале достигла пика редкого, почти солнечного единения, дверь с грохотом распахнулась.

На пороге стоял Искрик, но это был не тот довольный дракончик, что радостно уплетал за завтраком печенюшки.

Его глаза были полны первобытного ужаса, чешуя стояла дыбом, а из пасти вырывались неконтролируемые клубы черного дыма.

Он посмотрел прямо на меня и его встревоженный голос прорезал победный гомон, как лезвие:

— Летти! ОНО ПРОСНУЛОСЬ!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.